

МНЕ ДОЛЖНО ЭТО ПРАВИТЬСЯ

Анна Инк

Анна Инк

Мне должно это нравиться

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32829152
ISBN 9785449076588*

Аннотация

В лесном массиве за чертой города найден труп молодой девушки. В этот же день домой возвращается Яна, которую недавно похитили. Она цела, но никто даже не догадывается, что ей пришлось пережить. Спустя полтора года Яна не вспоминает о прошлом. Пока не обнаруживает в почтовом ящике статью, указывающую на личность похитителя. Девушка начинает расследование, в котором подозреваемых становится всё больше. Кто проникает в дом Яны? Что скрывают её близкие? И почему новый знакомый так ненавидит её?

Содержание

Пролог	5
1. Костя	8
2. Яна	20
3. Костя	32
4. Яна	46
5. Костя	65
6. Яна	80
7. Костя	99
8. Яна	111
9. Костя	128
10. Яна	141
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Мне должно это нравиться

Анна Инк

© Анна Инк, 2018

ISBN 978-5-4490-7658-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*Кто сражается с чудовищами,
тому следует остерегаться,
чтобы самому при этом не стать чудовищем.
Ф. Ницше*

– Не бойся.

Его голос замолкает в темноте. И я больше не слышу ничего, кроме собственного дыхания. Испуганного, почти астматического. Рот жадно ворует кислород. Сердце не бьётся – трещит дробью.

– Не бойся, – внезапно близко. Я спиной в стену. Узлы наручников в поясницу. – Я не буду трогать. Только посмотрю.

Запах кедра у самого носа. Отлипают от пересохших губ волосы, он поднимает их над моими плечами, отводит за спину, открывая себе голую шею.

– Шшшш. Тише, тише, тише, – убаюкивает. Тыкается носом в нос, шепчет в губы: – Сделала выбор?

Ощущаю его руки в миллиметрах от моей кожи. Он гладит меня через воздух, напивается его жаром своих огромных ладоней: бёдра, талия, подползают к самому сердцу, вверх, ключицы, замирают у шеи...

– Сделала выбор? – повторяет.

«Я не могу так поступить».

Мой всхлип принимает за ответ.

Касается меня.

– Ты обещал.

Его рука под горло.

– Ты обещал дать мне ещё немного времени.

– Обманул.

Он вплотную. Твёрдым упирается в голый живот. Бьёт поцелуями. Царапает бляхой ремня вниз. Подхватывает под ягодицы. Меня подбрасывает вверх. Молния его ширинок врезается в промежность. Бёдра сводит от толчка.

Беспомощные руки. Если бы они были развязаны – только одно: зажать себе рот, и молча. Перетерпеть. Всё почти произошло. Пройти сквозь это. И не позволить себе той трусости, которую допустила я. Трусливая сука, я, предательница, закричала.

– Я согласна!

Не слышал. Рычал в мою шею.

– Согласна! Ты слышишь?! Согласна! – голос сходит на хрип. Заклинаю: – Бери, бери, бери. Согласна.

Уткнулся лбом в щёку. Дышит. Ослабил хватку. Нехотя отпустил. Почти нежно.

– Завтра ты вернёшься домой.

Бросил фразу, когда был уже далеко. Больше он не тронет меня.

Дверь из комнаты осталась открыта. Он специально оставил её распахнутой настежь. Чтобы я слышала его шаги. Что-

бы я слышала, как он откроет другую дверь.

Щелчок!

1. Костя

От утренней метели ни следа. Только солнце на однотонном небе. Ветер сильный, но через долгие промежутки штиля. Тени от каждой фигуры чёткие, почти сапфировые.

– Кость, пойдёшь? – Нина вертит в пухлых пальцах сигарету, и взглядом указывает на выход.

Двери раздвигаются бесшумно. Спускаюсь с порога. Под засученные рукава пролезает холод.

– Накинул бы куртку, – по-матерински. – Кто тебя будет чаем отпаивать, если заболеешь?

– Сын, кстати, выздоровел? – сквозь первую затяжку.

– Уже вчера в школу ходил. Шарф, дурак, не носит. Я сама вязала. Специально искала схему с надписью «Спартак», старалась. Совсем не ценит то, что имеет. Куриный суп, гадёныш, собаке в миску сливал. Ест всухомятку. Ну ничего. Чай с вареньем он у меня всё-таки выпил. И уже на утро всё как рукой сняло. На мамкином-то варенье. Сама делала, из нашей садовой малины.

Я завидую её сыну. Ему тринадцать. Увлекается футболом. И у него есть мать.

– Хорошо. Если заболею – знаю, где добыть лекарство.

Она встречает мой смешок с сочувствием. Голову набок. Короткие, жёванные рыжей химией кудри, падают на бровь. Недобро щурит глаза, вглядывается за моё плечо.

– Только хотела посетовать, что ты всё ещё не остепенился в свои почти тридцать, да вот смотрю на таких вот, – кивает подбородком, – и понимаю, что бабы сейчас пошли непригодные.

Вслед за её взглядом. Вполоборота голову. У свежewe-мытого чёрного Porsche стоит краснорожий бугай. Щурится на дневной свет как медведь, только выползший из берлоги. Пронзительным, как звук пилорамы, голосом, его отчитывает девушка.

– Чё ты улыбаешься? Я серьёзно. Мы никуда не едем.

– Ты не так всё поняла.

– Какой же ты придурок. Ты всё испортил!

– Мил...

– Она посмела позвонить тебе при мне!

– У нас ничего не было.

– Да пошёл ты! И свою Светулечку можешь прихватить.

Я к тебе больше никакого отношения не имею.

Девушка разворачивается на месте и идёт в нашу сторону.

– Мил, перестань. Это свадьба моего лучшего друга.

– Я не еду.

– Ты хотя бы понимаешь, сколько денег он отвалил за каждого человека?

– Плевать.

Рывком догоняет её, тянет за капюшон шубки.

– Пусти!

– Ты едешь со мной.

– Пусти, говорю, – он разжимает пальцы, и она отшатывается.

– Села в машину и жди. Я схожу за шампанским.

– Когда ты придёшь, меня уже не будет.

– Вот тогда я и позвоню Свете, – бросает через плечо.

Краснорожий почти дошёл до порога магазина.

– Ты – похотливый жирдяй! – она вскакивает на ступеньки, загораживая ему путь. – Только и думаешь о том, как потрахать с новой блядью. Смотреть на тебя противно. Да у меня уже не течёт от тебя. Я представляю себе других мужиков, когда ты сопишь на мне.

– И кого же ты будешь представлять сегодня ночью? – его нервная улыбка застыла как гримаса.

Последняя затяжка жрёт фильтр, обжигает пальцы. На корточки. Рыжий огонёк шипит, гаснет. Пальцы в холоде. Снег твёрдый, как каменная соль.

– Да любого, кроме тебя. Вот хоть этого, – девушка улыбается мне сквозь гримасу злости.

Я встаю и смотрю на неё в упор. Сталкиваю взгляд на краснорожего. Он кривит губы и говорит:

– Этому нищebroду такие бабы, как ты, никогда не дадут. Ты ведь хотела на Мальдивы. И новый телефон. А ещё твоей маме нужна новая операция, иначе она сдохнет. Так что сегодня ночью будешь сосать мне. И мне пох, кого ты будешь себе при этом представлять.

– Какой же ты мудака, – она всхлипывает протяжно, будто

вместе со вдохом проглатывает что-то, что встаёт поперёк горла. Закрывает лицо ладонями, опускается на ступеньки.

Первый шаг перед бегом всегда мягкий, неслышный. Разгон начинается со второго. Подъём по ступеням. Прозрачная дверь ещё не успела задвинуться за его спиной. Я проскальзываю внутрь. Поворот налево. Пол влажный, но чистый. Ступни почти не чувствуют под собой тверди. Зато внутри всё как камень, будто мышцы огибают внутренние органы каменной скорлупой. Стеллаж с разноцветными фруктами чёрно-белый. И только малиновые пятна перед глазами.

– Посмотри на меня.

Обернулся через плечо. Я подождал, пока он развернётся всем корпусом.

Краснорожий начинает падение. Когда он врезается спиной в пол, его затылок ещё держится на весу. Я над ним. Кулак в скулу. Он морщится. Кривит пасть. Рот будто уплзает от места удара. Настигаю его другой рукой. В челюсть левой. Его возглас писком сквозь ор вокруг. За грудки. Подтягиваю ближе к себе, будто хочу рассмотреть получше его морду. Я продолжаю бить. С облегчением. С наслаждением. Бью его так, будто передо мной мой отец. Я так ждал. Я мечтал об этом всё моё маленькое слабое детство. Я представлял это тысячу раз. Стану выше. Возмужаю. Повалю. И буду бить так остервенело, что под его телом проломается пол. Мстить. Отомщу ему за сам факт появления меня на свет.

Кто-то оттаскивает меня за плечи.

Краснорожий опирается на локоть. Встаёт на колени. Я сжимаю кулаки и едва сдерживаюсь, чтобы снова не сбить его на пол. Вгрызаюсь в собственные щёки. Выждать. Пусть проваливает. С него достаточно.

Он поднимается, зацепившись пальцами за прилавок с фруктами. Идёт покачиваясь. Врезается в дверь.

– Она не открывается с этой стороны, придурок, – говорю я.

Отшатывается, проходит между кассами. Я следую за ним.

Девушка по-прежнему на пороге. Вздрагивает от рыданий. Она так и просидела, уткнувшись в ладони. Нина, которая невзлюбила её с самого начала, теперь наклонилась к ней, и гладит по предплечью.

– Что с твоей мамой? – я сажусь напротив. Вглядываюсь в закрытое лицо.

– Какое тебе дело?

– Нин, оставь нас, пожалуйста.

К тому времени, как двери смыкаются за её спиной, девушка уже не дрожит.

– Я могу помочь.

– Ты? – выплёвывает с горькой усмешкой. – Как? – раздвигает ладони, вытирая глаза и щёки. Чёрные разводы с серебристыми блёстками вокруг её глаз как карнавальная маска.

– Расскажи мне, что случилось с твоей мамой. Чем она

больна?

– Это гинекология, – всхлипывает. – Так унижительно. Приходилось обсуждать с ним всё это. Отчитываться за каждый потраченный рубль. Рассказывать, что вырезали, приносить чеки за прокладки. Омерзительно, – её передёргивает.

– Я правильно понял, что нужна повторная операция?

– Всё... очень плохо, – она вглядывается в мои глаза с таким отчаянием, что становится не по себе.

– Запиши телефон.

– Чей?

– Не мой. Моего друга. Его зовут Елисей. Пиши, говорю.

– Кто он? Нуждающийся в эскорт-услугах? – зло растягивает губы, но телефон достала.

Я диктую.

– Он сможет устроить твою маму в хорошую клинику. Сейчас езжай за историей болезни, и звони, пока будешь ехать. Скажи, что от Кости. Я предупрежу его.

– Ладно, – она пожимает плечами. – А ты сам меня найдёшь? Или я должна буду только твоему Елисею? – встаёт, спускается со ступеньки, приглаживает промокшую юбку.

– Мила, да?

Кивает, протягивает мне руку. У неё ледяные пальцы, как лягушки, только выпрыгнувшие из тёмной глубины пруда. У Мари всегда были тёплые пальцы, ладони горячие и сухие. Любил прятать в них нос с мороза. Она грела мои обветренные щёки. Даже у моря не мёрзла зимой. А потом я показы-

вал ей нашу дачу с видом на воду. Там я трахнул её прямо на балконе. Она всегда хотела заниматься любовью, нежно. Но моя любовь к ней была другой, несдерживаемой. Я не хотел медленно. Я изучал её тело рывками, глотками, сбивчивым шёпотом. А она только гладила в ответ.

– А ты, значит, Костя? – убирает руку.

– Верно. – Вглядываюсь в её лицо. – Мила, никогда не спи с мужчиной из-за денег. Тебя это уничтожит.

– Мораль решил мне почитать? Поучаешь, а сам отправляешь меня к какому-то Елисею.

– Он ничего от тебя не возьмёт. Обещаю.

– Кто тогда?

– Просто вызови такси и звони ему.

Я к парку. Тянет как магнитом к скоплениям деревьев. Чтобы много кислорода. Чтобы было что-то выше, но созданное не людьми, самой природой. Не всегда хочется с ней бороться.

Мне навстречу девушка в салатовой жилетке. Маленькая, она надвинула до самых глаз шарф. В руках листовка с белокурой девушкой. Волонтёрша встречается со мной взглядом, цепляет им как рыболовным крючком за губу: глаза такие, будто сама потерялась, или саму себя ищет.

Значит, пропала очередная нелюбимая. В таком возрасте они сбегает сами чаще всего. Вот и Мила может такую родить. Мысли о том, сколько их ещё вокруг, таких отчаявшихся женщин, и таких ненавистных детей, забивают сознание,

вспухают под его натянувшейся оболочкой. А потом эти дети вырастают, и начинают причинять боль другим. Как я.

Деревья расступаются перед краем парка. Набираю номер Елисея. Он выслушивает внимательно. Обещает всё сделать. И опять просит поговорить с отцом.

В обратную сторону. Возвращаюсь к магазину. Прежде, чем дверь разъезжается, взгляд спотыкается об листовку с фотографией, прикреплённой к стенду с общей информацией. Наклейка на стекле закрывает лицо пропавшей наполовину, но мне уже становится не по себе.

– Нин! – я стою перед стендом и глажу взглядом глаза и губы девушки на фотографии. – Нина!!!

– Что? Что случилось? Кость? – её испуганное лицо у моего плеча.

– Кто это сделал? – вжимаю указательный палец в надпись: «Пропала без вести», будто пытаюсь насквозь её проткнуть.

– Господи, ты так кричал. Я перепугалась до смерти.

– Кто, блядь, это сделал?

– Девушка. Девушка-волонтёр. Она спросила. Всё в порядке. Татьяна Владимировна сказала, что можно.

Я на улицу. Найти в бело-чёрном пейзаже из снега и деревьев девушку в салатовой жилетке. Рыщу.

Впереди. Чуть правее. Схватил за кудрявые волосы взглядом. Несколько метров до неё. Преодолеваю одним броском.

За локоть. Разворачиваю к себе. С такой силой, что она

едва удерживается на ногах. Я не даю ей упасть. И не дам уйти, пока не ответит. В её глазах всё та же растерянность. Попытка сказать спокойно сходит на хрип:

– Ты... – выдох-вдох. – Это ты наклеила листовку в магазине?

– Мне разрешили. Отпустите, пожалуйста, мою руку.

– Кто тебе их дал?

– Группа.

– Какая группа?

– Оперативно-розыскная. Её организатор. Александр Дмитриевич. Отпустите, пожалуйста...

– Какой Александр Дмитриевич? – цежу я. Меня бесит, что она говорит со мной сквозь шарф. Как через медицинскую маску. И я не вижу её губы. Издеваются ли они надо мной, ухмыляются? Сдавливаю сильнее. В её глазах растерянность тонет, и на её месте выступает злоба.

– Пусти! – она изо всех сил отдёргивает руку. Падает на шаг назад. Ловит равновесие.

Выватываю из её голых пальцев листовки. Перебираю их в спешке. Они мнутся, не попадают друг под друга. Потому что руки-предатели дрожат как у старого алкоголика. Здесь только стопка объявлений о розыске белокурой девушки.

– Это – другие. Почему ты наклеила ту? – вцепился взглядом в её глаза. Она молчит. Смотрит исподлобья. – Почему? Ты. Наклеила. Ту.

– А что? Что тебе до этой девушки? – с вызовом. Даже

подаётся вперёд. Её рука вцепилась в шарф. Будто он душил её. Будто она хочет его сорвать. И плюнуть мне в лицо.

Специально. Ты сделала это специально.

— Она уже давно мертва, — я делаю к ней шаг. — И не говори мне, что ты не знала.

— Знала! — выпаливает. — Хотела посмотреть на твою реакцию!

Я стискиваю девушку за плечи. Поднимаю. Она больше не владеет своим телом. Беспомощная и моя. Несу её дальше от дороги. Через сугроб. Пока не припираю спиной к забору.

Держит голову высоко. Таращится на меня испуганными глазами. Зрачки сужены в маленькие точки. Они будто меньше, чем у нормального человека. Или просто круг радужки слишком светлый. Её лоб взбухает от морщинок.

— Ты виноват в её смерти, — цедит она сквозь шарф.

И в ту же секунду она зажмуривается, потому что я быю кулаком в забор. Рядом с её лицом. Он прозвенел, прогудел, как сорвавшийся с высоты металлический лист. С деревьев, которые упирали в него свои ветки, посыпался снег. На её голову, на выющиеся волосы, на узкие плечи.

Я сдёргиваю шарф с её лица. Она распахивает рот, будто ткань мешала ей дышать.

— Кто ты такая?

Лишь хмыкает. Зло. Как будто она на грани безумия.

— Я читала про вас. Убийцу так и не нашли. Убийцу отмазал богатый папа. Так?

– Что ты несёшь, дура?

– Твой папа? Или папа твоей невесты?

Приближаю к ней лицо:

– Не лезь в мою семью.

– А то что? – с вызывающей улыбкой.

Дрожь заползает под каждый палец. Я уже не могу себя контролировать. Девушка смыкает губы. Сглатывает. Шепчет:

– Я не оставлю тебя в покое.

Вдруг её лицо меняется. Становится жалостливым. Губы искривляются. Она будто заплачет сейчас.

– Ты мне снишься, – хрипит она.

– Что?

– Как ты прикасаешься ко мне.

Да она ненормальная, точно.

Я провожу пальцами по её подбородку легонько, вверх, прикладываю руку к её горячей коже – моя ладонь раза в полтора больше её щеки. Девушка зажмуривается как от удовольствия. Как будто она ждала этого прикосновения всю жизнь.

– Так? – спрашиваю. – Или так? – моя рука сползает вниз, и я сжимаю её шею. Она перехватывает моё запястье. – Если я ещё раз увижу тебя – ударю. Ты поняла?

Отпускаю. Так, будто не даю ей воздуха, а забираю. Будто она рухнет не в снег, а с обрыва.

Девушка проскальзывает рядом, и исчезает за кустами. Я

выхожу на обочину и смотрю ей вслед.

Возможно, она наткнулась на статью случайно. Фотография на листовке оттуда. Но скорее всего она одна из этих долбанных журналистов. Очередная. Или сама по себе?

Как будто она знала Машу лично, и лишь теперь поняла, кто во всём виноват.

2. Яна

– Новый? – Аркадий Анатольевич кивает на мой телефон. – Ты, наконец, стала ходить по магазинам?

– Нет, это Серёжа подарил.

– Ухаживает, – одобрительно улыбается.

– Как прошёл Ваш отпуск?

– Спасибо, я остался очень доволен. Посетил двенадцать музеев за две недели – это мой рекорд. – А. А. расстёгивает пуговицу пиджака прежде, чем опуститься в кресло. – Как думаешь, что я предпочёл: этнографию, современное искусство, классику?

Совсем не поправился за это время. Почему обмен веществ – такая хитрая штука? Они ровесники с моим папой. Но, в отличие от Аркадия Анатольевича, для моего отца наползающее на ремень пузо уже, наверное, неотъемлемый атрибут фигуры. А вот А. А. в свои пятьдесят два выглядит не менее подтянутым, чем тот же Серёжа.

– Думаю, не современное точно, – выдаю я. – Оно слишком примитивное.

– Молодежь всё чаще ругает своих ровесников – удивительная враждебность к самим себе.

– Просто одно похоже на другое. Будто воруют по кусочку друг у друга. Вы наверняка предпочитаете что-нибудь проверенное временем. Может быть, Мунк?

– Нет, к Мунку я, кстати, ни разу не заходил. Тебе нравятся его картины?

С сомнением поджимаю губы:

– Скорее, я упомянула его потому, что только про его музей знаю в Осло.

Разинутая пасть того существа с «Крика», будто беззубая.

Он говорил, что вырвет ей зубы. Все до единого. Чтобы она не могла причинить ему боль, когда сосёт. Он считал, что её попытки укусить будут приносить ещё больше удовольствия, создавая необыкновенное давление безобидными дёснами на его член.

А. А. быстрым взглядом сканирует мои пальцы, пощипывающие джинсы.

– Чем вызвано твоё чувство вины на этот раз? – неизменный блокнот раскрывается в его руках.

– Я, кажется, отклонилась от плана.

– Ты передумала съезжать от родителей?

– Нет, наоборот, уже договорилась с арендодателем. Только никак не решусь сообщить маме.

– А что насчёт работы?

– Всё-таки пойду в «Северное сияние». Я и квартиру сняла в десяти минутах от него.

– Ты же говорила, что его могут закрыть.

– Дела плохи. Но я уверена, что мы с Серёжей сможем всё изменить, если как следует постараемся. К тому же, я хочу, чтобы у нас было общее дело, общие интересы.

– Это странно.

– Что?

– Твоё неожиданное рвение стать с ним «мы». Ты слишком торопишься. И мне искусственность очевидна.

– Потому что я заставляю себя изо всех сил. И это так... – морщусь, замолкаю. Не это сейчас важно.

Беру сумочку и достаю завёрнутую в красочный полиэтиленовый пакет улику, но не спешу передать, оставляю на коленях:

– Вы же не верите в полтергейст?

– Самый неудачный вариант эскапизма в твоём случае.

– Тогда начну с того, что не так мистично. В нас стреляли.

А.А. недоверчиво поднимает бровь. А я расстраиваюсь, что не произвела должного впечатления.

– Сегодня ночью кто-то подошёл к окну гостиной, где мы спали с Дэни, и выстрелил. Мы обнаружили след утром, в стекле и стене.

– Как так может быть, что вы ничего не слышали?

– Не знаю. Видимо, оружие было с глушителем.

– А Шайтан? Разве он пустил бы чужого на участок?

– Я оставила его в вольере, потому что Дэни боится.

– Но он бы лаял.

– Я понимаю. Не знаю, как так получилось. Мы немного выпили перед сном и отрубались. Может, нам что-то подсыпали в вино... И куда делась пуля? Этот человек пришёл в мой дом. Как хозяин. Он ничего не боится. Хочет запугать,

потому что я вышла на след.

– Это невозможно.

– И он приходит уже не в первый раз. Как будто точно знает, когда никого нет. Последние две недели я замечаю, что некоторые предметы в моей комнате оказываются не там, где я их оставила. Но это не самое странное...

– Яна, ты просто забыла...

– Он портит вещи. Не просто перемещает их. Он их деформирует. На моём браслете из ниоткуда появился другой шарм. На месте Эйфелевой башни. На трусиках исчез бантик. Будто срезали. И в книге. Кто-то вырвал страницы из «Блеск и нищета куртизанок». Она была на моей тумбочке. Несколько страниц, которые я уже прочитала. И вот. Взгляните на это, – я протягиваю ему пакет.

А.А. развернул его. Взял расчёску за ручку двумя пальцами, и немного приподнял. С брезгливым видом разглядывает застрявшие в щетине тёмные длинные волосы.

– Видите? Они отрезаны. Кто-то всунул их в мою расчёску и положил на трюмо. Волосы такие же, как были у Маши.

– Как ты думаешь, почему пропала Эйфелева башня с твоего браслета? С чем она связана?

– Да ни с чем, – я пожимаю плечами. – Мне этот браслет Серёжа подарил.

– Однажды ты сказала мне такую фразу: «Он отнял у меня все мечты. Отнял Париж». Помнишь?

Мои пальцы пробираются в волосы, ногти царапают лож-

бинку на шее.

– Ничего страшного, – успокаивает он. – Вы должны были поехать во Францию с родителями. Но незадолго до поездки тебя похитили.

– Верно. Это была одна из заветных мечт, до того, как всё произошло. Я хотела поехать в Париж. Мировая столица моды, – я горько усмехаюсь. – Моя страсть к красоте, к парфюмерии. Всё изуродовано. Теперь в любом запахе боюсь найти нотки кедра. А вещи... Посмотрите на меня. Что со мной стало? Как я одеваюсь? Будто намеренно пытаюсь казаться незаметной, непривлекательной. Как чмо хожу. Без макияжа. В мешковатом дерьме. Уже молчу про то, как я себя веду. Да что говорить? Вы бы не поверили, что раньше я была совсем другой.

– Я прекрасно представляю, какой ты была. Тем более, мы с твоим отцом давно знакомы. А он никогда не упускал возможность рассказать что-нибудь забавное из жизни своей Пульки, – А.А. добродушно улыбается. – Яна, внешний вид – лишь следствие. Давай вернёмся к причинам. Ты обращалась в полицию из-за выстрела?

– Нет. Хотя Дэни настаивала. Я разбила окно, чтобы мама с папой ничего не узнали. На стену, где остался след от пули, перевесила картину. Родителям сказала, что приезжали Динины друзья. Что мы были пьяные. И окно случайно пострадало.

– Дину больше в твоей семье не жалуют?

– Что Вы! Родители хотят, чтобы я снова научилась веселиться. Они были так рады, что пьяная тусовка чуть не разнесла гостиную – я даже на секунду подумала, что это они сумасшедшие, а не я...

– Ты не сумасшедшая. Ты борешься за свой рассудок так яростно, что это заслуживает восхищения.

Замираю. Он говорит искренне, я в этом уверена. Не поблажка, не лесть, не поощрение.

– Спасибо, – отвечаю с придыханием. Но секунды благодарности сменяются очередной порцией тяжести: – Только Вы ведь думаете, что я сама порчу вещи?

– У тебя, наконец, всё стало налаживаться. Ты можешь намеренно наказывать себя за это. Меня смущает только выстрел. Где ты могла достать оружие?

Молчу.

– Ты рассказала Дине про то, что тебя пугает в доме твоих родителей?

Киваю:

– Да. После того, как мы обнаружили след от выстрела.

– И как она отреагировала?

– Переживает за меня. Предложила переехать к ней.

– Я уверен, что это её идея – запугивать тебя.

– Она бы не стала так делать. И Дэни не знает про Машу. И вообще, во всём, что происходит, слишком много деталей, о которых никто не может знать. К тому же это началось до того, как я попросила её пожить у меня.

– Ей, наконец, удалось тебя соблазнить?

– Нет. Она вела себя очень тактично.

– А Сергей?

– Тоже ведёт себя тактично. На их фоне я кажусь себе такой... распутной. Они могут, и не делают. А я так хочу... просто не могу. Мне всё время приходит ассоциация, что я изнываю без секса как Торпиль, сосланная в монастырь. Между прочим, именно страницы, где описывались эти её переживания нехватки секса, и выдрали. Как и из меня он выдрал... мою похоть.

– Яна, сейчас всё не так плохо.

– Не плохо? Да я сама не своя! Я хочу снова получать удовольствие от секса с мужчиной. Но влечения хоть к кому-нибудь конкретному нет.

– Я думаю, тебе стоит последовать моей рекомендации, и присмотреться к другим мужчинам, а не только к Серёже.

– Думаете, я не стараюсь? Но если нет искры. Вообще даже подобия. Они все кажутся мне неуклюжими, слабыми, некрасивыми. Это не потому, что я разучилась хотеть. Просто... должно быть так, чтобы сердце колотилось, как раньше.

– И не колотилось ни разу? Хотя бы из-за одного? Колотилось. Раз. Да так, что я дышать перестала.

– Где ты его встретила?

– Я вслух сказала? – пугаюсь.

– У тебя всё на лице написано.

– Колотилось, но это другое, – я откашливаюсь. – Вчера мне показалось, что я встретила человека, который меня похитил.

– Ты не можешь узнать его. Ты никогда не видела его лица.

– Ощущение...

– Да, да, да. Запахи, голос, шаги. Вспомни, что ты подумала, когда впервые увидела меня?

– Что Вы – тот человек.

– И сколько раз тебе так казалось относительно других людей?

– На этот раз всё иначе. Он знал её. Он знал Машу. И его подозревали.

– С чего ты это взяла?

– Статья в интернете. Откройте ноутбук. Откройте, и я Вам покажу.

А. А. неохотно поднимается и идёт к рабочему столу.

– Помните день рождения моей мамы?

– Конечно! Замечательный был ужин. Я бы остался на подольше, если бы не отъезд в Осло.

– Это случилось в тот вечер. После торжества я пришла в свою комнату. Открыла почту. Письмо будто было отправлено с моего же адреса. А в письме было это.

Ввожу ссылку. Я выучила её наизусть, каждый символ. На экране появляется фотография, разбитая двумя молниеподобными полосами.

Константин Лисковец в центре. Глаза приковывают к се-

бе. Серые и злые. Он смотрит точно на фотографа. С неприличной надменностью. Узкий выступающий подбородок чуть опущен, и положение головы делает его прямой нос более продолговатым на кадре, отчего выражение лица кажется ещё мрачнее. У него красивые губы, с чётко очерченными треугольниками. Они кажутся твёрдыми и упрямыми. Над переносицей две разные по глубине морщины. Руки в карманы пальто. Высокий, стройный, с расправленными плечами. Он спускается по лестнице своей клиники в спешке, светлые волнистые волосы, длинные спереди, потоком встречного воздуха сбивает на висок. В его облике удивительным образом сочетается ярость и печаль. И это противоречие притягивает меня так сильно, что становится стыдно. Потому что он может быть тем самым человеком, который отнял у меня мою настоящую счастливую жизнь.

Справа от его фото Маша у какого-то кафе. На ней чёрная водолазка. Тёмно-коричневые, как мокрое дерево, волосы, собраны в косу и лежат на плече. Грустные карие глаза смотрят куда-то вдаль. Маленькие розовые губы поджаты, задавая складку над выпуклостью её подбородка. Она кажется благородной и милосердной, вечно сострадающей бедам всего человечества.

А слева от Лисковца фотография Александры Баунц, его невесты. Саша красивая, богатая, популярная модель, успешный блогер.

Заголовок над фотографией гласит: «Сын мэра: это не я,

или как моя невеста убила мою любовницу».

– Ты уверена, что эта девушка – та самая Маша?

– На ней даже серёжки те же. Знаете, почему я не могла найти её среди пропавших без вести в тот период? Её никто не искал. Пишут, что Мария Мельникова была найдена мёртвой, в тот день, когда он меня отпустил. Тело было изуродовано. Последним в живых её видел таксист, который отвёз Машу в центр города в одиннадцатом часу вечера в день моего похищения. Только вот камера у подъезда, где она выходила, была сломана уже несколько недель. И всё. С концами. Ночь семнадцатого, – я загибаю пальцы, – восемнадцатое, девятнадцатое, двадцатое. Её никто не искал, Аркадий Анатольевич. Как такое может быть? А я Вам сама отвечу. Потому что она была любовницей сына мэра. Вот все и сидели молча. А потом замяли дело.

– Подожди, – его будто осенило. Он хлопает меня по руке, и закрывает ноутбук. – Ты сказала... Ты что, виделась с ним? Ты виделась с Константином...

– Это было непросто – найти его. Его нет в социальных сетях. Невозможно выяснить, в каких местах он предпочитает проводить время. Официально он числится совладельцем папочкиной клиники. Но по факту там не бывает. Никто, естественно, не дал мне его контактов. Пришлось обратиться к частному детективу. И я получила адрес его теперешней работы. Это магазинчик, недалеко от парка «Северный». Представляете, сын мэра, талантливый кардиохи-

рург, теперь работает в супермаркете укладчиком? – я нервно усмехнулась.

– Ты поехала туда, – разочарованно.

– Не с пустыми руками.

– Твоя сардоническая улыбка меня пугает.

– Что значит «сардоническая»?

– Улыбка человека перед гибелью. Злая, язвительная, презрительная. Из греческой литературы.

Меня передёргивает. Бормочу:

– Ненавижу греческие мифы.

– Я помню.

– Вы специально? Издеваетесь надо мной?

– А ты специально пользуешься тем, что я пообещал не разговаривать с полицией, пока мы не добьёмся надёжных результатов?

– Я Вам доверяю. Одному из немногих мужчин. Я этим пользуюсь.

– Есть шанс, что найдут похитителя, если в полиции узнают, что вы обе были там.

– Если Вы им скажете, – делаю к нему шаг, – я всё буду отрицать, – рублю фразой воздух между нами.

– Хорошо, хорошо, – выставляет ладони, будто прикрывается от меня. – Что ты привезла для него?

– Листовку. Я попросилась в волонтерскую группу. Там искали одну девушку. И я взялась расклеивать объявления. И вместе с ними взяла ту, которую напечатала сама. В ней

написано, что разыскивается пропавшая без вести. Указан мой телефон. И фотография Маши из той статьи.

Аркадий Анатольевич делает ненавистный мной жест «рука-лицо».

– Мы должны всё рассказать полиции. Теперь, когда известна личность второй девушки, можно отыскать между вами связь. Появился шанс найти преступника и отправить его в тюрьму.

– Я не получу удовлетворения, если его посадят. Я не получу удовлетворения, пока его не станет вообще.

– Это нормальная реакция. Ты думаешь, что он сбежит, или...

– Нет. Вы не понимаете. Страх – это выше, поверхностно, незначительно. Стыд. Вот что первично. Он знает, как всё было на самом деле. Не Вы, не полиция. Только я и он. А я не хочу, чтобы это знание жило. А оно будет жить, пока он не умрёт. Первый шаг уже сделан. Я нашла его. Это наверняка он. Вы не видели, как он отреагировал на листовку. И на меня. Если бы видели – поверили бы.

– Яна. Будь он твоим похитителем – он бы узнал тебя. И вёл себя незаметно.

– Он вспылil из-за эффекта неожиданности. И сначала он не мог узнать. На мне был шарф, натянутый до самых глаз.

– Сначала... А что же произошло дальше?

– Я хотела сдёрнуть шарф. Я хотела, чтобы он узнал меня. Так хотела этого, что у меня стало мокро в трусиках.

3. Костя

Белая пелена сменяет каменные башины. Лес обступают разом. Влажный снег утяжеляет ветви, превращает тропу в туннель. Я сбавляю темп. Бег здесь как сквернословие. Кощунственно лишь глянуть.

Смотреть широко открытыми глазами.

Она ждёт меня в центре заледеневшего озера. Одинокaя фигура в серой одежде. Только глаза цветные. Её тёплые карие глаза. Встречают меня с надеждой. Которую я снова разрушу до предпоследнего камня.

– Ничего, – я пускаю взгляд в норку между толстыми шерстяными нитями её шарфа. Ласкаю глазами кончик ключицы под краем маленького золотого крестика. Только я знаю, какая сладкая на вкус её белая кожа там.

И тот.

Эта мысль приводит меня в бешенство. Пальцы разом сжимаются, до хруста, до рези в ладонях.

– Я ничего не нашёл, Мари. Прости, хорошая...

– Пусть так, – её голос звучит глухо сквозь плотную хирургическую маску. – Я всё равно тебе благодарна...

– Дай мне ещё немного времени, – голос-предатель срывается на хрип.

– Костя, ты сделал всё, что мог, – её приветливость не милосердие – жалость.

– Я так виноват перед тобой.

Делаю к ней шаг. Но она отступает на все два. Я бы всё отдал, чтобы прижать её к себе. Вдохнуть её запах. Чтобы чувствовать, как она плавится в моих руках. Целовать её щёки и губы, которые я не видел уже полтора года, и которые она никогда мне больше не покажет.

– Позволь обнять тебя. Пожалуйста.

– Нет.

– Хотя бы взять тебя за руку.

– Раны... Раны опять загнивают. Я не хочу, чтобы этот запах стал последним напоминанием обо мне. Не так. Не так мы должны были расстаться.

Она подносит руки в перчатках ко рту, греет их собственным дыханием, сочащимся сквозь белое сито хирургической маски. Я слышу треск. Будто под ней проваливается лёд.

Взглядом вниз. Она задирает юбку до самых трусиков. Её колени гнутся в обратную сторону. Надламываются. И она обрушивает себя вниз. Взглядом по излому её тела, от обрубков колен к голым бёдрам. Чёрная нить вишита в рану, извивается в распухшей красноте, перечёркнута сгустками склизко-белого гноя.

Приступ тошноты. Глаза застилает пелена. Я на коленях.

Она ползёт. Приближается ко мне, волоча обрубки. Ощущая её запах. Новый. Омерзительный запах её гноя-

щейся плоти.

Рука на моём плече:

– Ты даже сейчас дрожишь. Ты никогда не боялся холода. Тебя трясёт не от холода. Ведь так? Ведь так? – слышит, как я сглатываю. И голос её становится нежным: – Единственное, что приносит мне облегчение: знать – ты не видел, что он сделал со мной.

– Костик, милый, вставай, – наигранно писклявый голос. Я вздрагиваю. Распахиваю глаза. Шея трещит, когда склоняю голову набок. Елисей щекочет меня за ухом как кот и лыбится. – Вставай, соня, – его низкий голос окончательно сошёл на визг.

– Мы приехали? – сбрасываю его руку. Машина припаркована под яркой вывеской золотого цвета. – Я долго спал?

– Ты отрубился в середине разговора.

– Извини. – Выдыхаю. – Мне снилась Маша.

– Сочувствую, – поджимает губы, смотрит сквозь лобовое.

Откашливаюсь:

– О чём мы говорили? До того, как я уснул.

– Видимо, тебе это не так уж интересно.

– Ковальски. Ты говорил про их встречу с отцом. Он покупает клинику.

Елисей ржёт. По щекам пошли глубокие складки, веснушки растянулись.

– Ковалевский. И не выдавай желаемое за действительное.

Ковалевский хочет её купить, но твой отец отшивает его уже в третий раз. Хотя цена предлагается интересная, даже для вашей состоятельной семьи.

– Нет никакой семьи. И я ясно дал понять, что возвращаться не собираюсь.

Елисей долго выдыхает:

– Не понимаю, ведь это твоё детище.

– Я потерял к этому интерес. Окончательно. И к клинике, и к медицине вообще.

– Когда ты поймёшь, что очень ошибся, будет уже поздно.

– Я долго думал...

– Долго? Да ты бухал каждый день, на протяжении целого года! Долго он думал.

– Слушай, я всё решил. Мне плевать, что будет с клиникой. Пусть её купит Ковальски, разрушит землетрясение, явится сатана, и сожжёт дотла. Что угодно. Плевать.

– Я провожу в твоей клинике дни и ночи напролёт, – он успешно сдерживает приступ раздражения, а обиду мастерски скрывает. – Я искал тебя в самых богомерзких заведениях города, чтобы ты подписывал бумажки. Сам читал каждый документ. Договаривался с поставщиками оборудования. Проводил собеседования со специалистами. Отмазывал тебе перед прессой. Разбирался с налоговой. Улаживал конфликты с клиентами. Чтобы, когда ты очухаешься и соизволишь вернуться к делу, тебе было куда возвращаться.

– В этом-то и загвоздка. Ты там по факту – никто, – Ели-

сей сглатывает. — Я — хозяин. И мой отец. И нам обоим насрать на эту клинику.

— А как же Мила? И другие девушки с несчастной судьбой и больными родителями/детьми? Как будешь спасать их жизни? Мои связи быстро растеряются, если я не буду в деле. Свои ты уже растерял. Остался только я, и Каринэ. Больше никто в тебя не верит.

— Мила — единичный случай. Больше никого не будет. Я больше ни о чём тебя не попрошу. Только об одном: забей на клинику. Пусть отец делает что хочет. Просто не езди туда. Всё сдуется за месяц. И он сам с удовольствием продаст её за бесценок. Ковальски будет рад до жопы.

— Ковалевский. И он очень зол. Я бы на твоём месте отнёсся к этому серьёзно.

— А что может произойти? Он попытается прихлопнуть моего отца? Да пожалуйста! Мне — плевать.

— Возможно, ему и не придётся этого делать. Скоро всё решится само собой.

Я поворачиваю к нему голову. Спесь слетела за секунды. Блефует?

— Я считаю, что ты должен знать. Твой отец проходил обследование. И всё очень плохо.

— Что у него?

— Он харкает кровью, как ты и пожелал ему некоторое время назад.

Немеющие пальцы нащупывают пачку сигарет в кармане.

- Да я ведьма, – делаю затяжку.
- У тебя просто защитная реакция. Шок.
- Значит, ты об этом хотел серьёзно поговорить?
- Можешь предложить тему серьёзнее?
- Сколько ему осталось?
- Мало, очень мало, Кость. До весны он не дотянет.
- И ты, как ангел милосердия, решил нас примирить перед его кончиной, – приоткрываю дверь и стряхиваю пепел в серый снег. – Может, ещё и мать мою найдёшь, чтобы она простилась, как подобает, с бывшим любимым муженьком?
- Ты хочешь её увидеть?
- За последние двадцать лет я увидел её всего раз, и ты помнишь, чем это закончилось. Проживу ещё двадцать, а там, глядишь, и она сдохнет. Надо только придумать, каким способом. Интересно, а моя ведьминская магия действует, только когда я выдаю пожелание лично в лицо объекту?
- Пойдем, – он вылезает из машины. – Давай, Кость. Выметайся из моей тачки.

Ноги плохо слушаются. Мне что, в действительности его жалко? Я уже очень давно желал ему смерти. Мучительной и медленной. И, кажется, так оно и происходит. Где же оно – ощущение триумфа? А нет. Только опустошение. Потому что я всегда хотел задавить его собственными руками.

Елисей смотрит в землю, поддевает грязный сугроб мыском ботинка.

- Кажется, ты переживаешь за него больше, чем я, – кон-

статирую факт.

– Я не раз говорил тебе, что ты сам виноват.

– В чём?

– В том, что я общаюсь с ним больше, чем его собственный сын.

– Я не ревную, если ты к этому, – бью пальцем по сигарете, и тлеющий табак вываливается из неё шматком. – Лучше бы он усыновил тебя, вместо того, чтобы производить меня на свет.

Елисей ничего не говорит. Он недвижим. Только всегда светлый серый взгляд наливается свинцом. Здесь я был не прав.

– Извини, я погорячился, – хлопаю его по плечу. – Давай сменим тему.

– Сколько можно тянуть? Ты деградируешь. Возьми себя в руки. Я не хочу, чтобы после его смерти ты снова впал в депрессию, ушёл в запой, или ещё чего похуже. Ты только оправился после... на этот раз всё можно исправить. Потому что заранее известно, что будет. Я хочу, чтобы ты вернулся в профессию. Продолжил своё дело. А я, как и сейчас, буду помогать тебе чем смогу.

– Я подумаю над твоим предложением, – формально, холодно. – Идём внутрь?

– Поздно. Он приехал.

Я слежу за взглядом Елисея. Машина моего отца подъезжает к кафе, и паркуется недалеко от нас.

Вылезает. Собственной персоной.

– Встреча подстроена тобой.

– Вы должны поговорить, – теперь Елисей хлопает меня по плечу и уходит.

По дороге к машине пересекается с моим отцом, они обмениваются рукопожатием, и расходятся в разные стороны.

Недалеко от входа в кафе отец останавливается. Смотрит на меня. Ждёт. Улыбается искусственно. Якобы дружелюбно. Кажется, хотел развести руки, чтобы пригласить в объятия. Но приступ стирает и маску, и показушные намерения. Он заходится от кашля. Я сглатываю. Закуриваю новую сигарету.

– Хочешь повести? – отец убирает платок в карман распахнутой дублёнки и вытаскивает ключи от машины, держит брелок двумя пальцами, на вытянутой руке.

– Ты же говорил, что больше не подпустишь меня к своему имуществу.

– Всё сердишься? Я тогда просто вспылел. Сегодня поведёшь ты, Костя, – отец делает несколько шагов навстречу, вкладывает в мою ладонь ключи, сжимает мои пальцы. Достает из кармана железную флягу. Крышка клацает, отваливаясь на корпус, и в морозном воздухе теперь пахнет виски. – Ты же не позволишь своему отцу пьяным поехать за рулём. В прошлый раз это очень плохо закончилось.

Сука, давит на больное. Его самодовольная рожа напрашивается на кулак. Оставить вмятину в его обрызгшей крас-

ной щеке. Пнуть разок в живот, когда он повалится на снег. Это принесло бы мне столько удовольствия.

– Ты уже знаешь? Елисей сказал тебе?

– Надеялся, что я посочувствую?

– Ты такой же жестокий, как твоя мать.

– Как вы оба вместе взятые. Плоть от плоти, – давя сigaretу пяткой. Расплющивается, намокает в снегу. – Чего ты ждёшь? Что я научусь на ваших ошибках? Мне должно нравиться самоутверждаться за счёт того, что я поступаю человечнее, чем мои родители?

– Тебе должно нравиться жить, – с видом философа отводит глаза в сторону, делает глоток из фляги. – А ты сам всё портишь. Несмотря на созданные условия.

Я усмехаюсь. Сжимаю ключи. Иду к машине. Пальцы после его прикосновений как в грязи. Хочется вымыться. Вывалиться в снегу.

Отодвигаю кресло назад. Кнопки выворачивают зеркала так, чтобы я видел всё.

– Соскучился по роскоши? – он сыто улыбается, рассматривая меня за рулём.

– Мне никогда не нравилась эта машина.

– Она и не твоя. Твоя ждёт тебя в гараже. А ты всё не приходишь. Автомобиль – он же как животное. Верный пёс. Конь, – делает очередной глоток.

– Убери. В салоне будет вонять.

– Признают только своего хозяина... Ты в курсе, что Ма-

шин отец разыскивает тебя?

Мы отъезжаем от кафе. Только бы дороги были посвободнее. побыстрее расправиться с этим.

– Он презирает тебя. Хотя даже не знает, насколько прав в своём презрении, – снова запивает слова глотком виски. – Только догадывается. Так вот пусть эти догадки останутся при нём.

– Я остановлю в «Северном». Припаркуюсь у магазина, недалеко от своей квартиры. А ты поедешь на такси.

– Нет. Ты отвезёшь меня домой, и останешься дома.

– Это уже не мой дом.

– Где же твой? На квартире одной из своих девиц?

– Нет. У меня нет дома вообще. Ещё не заработал.

– И не заработаешь никогда. Ты всё профукал. Образование, профессию. Зачем? Я же всё для тебя сделал.

– Перестань, а.

Он замолкает. И даже убирает флягу. Дышит тяжело. Упёрся локтем в дверь машины. Его губы выдают эмоцию отчётливо: он разочарован.

Елисей прав. Нужно разобраться сейчас, пока мой отец жив.

Придавливаю педаль газа, и мы едем к окраине города.

– Я привезу тебя домой, и мы поговорим. Нужно решить вопрос с клиникой. Ты должен принять, что я не вернусь туда. Сам поступай с ней как хочешь. Мне всё равно.

– Я позволил тебе самому выбрать дело по душе. Я не тра-

хал тебе мозг тем, что ты должен продолжить семейную династию. Неинтересна политика – принял. Хотел спасать жизни – давай, пожалуйста. Лучший университет, курсы, связи. Самое обидное в том, что у тебя хорошо получалось, Костя. От начала и до конца. Оценки. Рекомендации. Интернатура. Проведённые операции ещё там. Ты действительно мог бы стать одним из лучших. Самым лучшим. Ни одна твоя операция не закончилась крахом. Ты об этом когда-нибудь задумывался? Ты людям жизни спасал. И вдруг решил забить. Пустьдохнут, да? Думаешь, мне на зло? Да ты не мне подгадил. Ты себя наебал.

– Я знаю, что ты давал взятки. Ты всех покупал. Всё, что говорили – враньё. Меня продвигали за твои деньги.

– Чушь!

– Брось. Я выучил тебя наизусть за эти двадцать девять лет. Ты не можешь оставить что-то без контроля. Ты должен контролировать всё. Даже с кем я трахаюсь.

– Ну что ж, как-то ты выбрал сам. И где она? Где твоя маленькая Машенька?

– Хватит.

– А я тебе скажу. Вот там, – он тыкает коротким пальцем в потолок салона, – высоко в Раю. Счастлива до усрачки, что сдохла. После того, как он её во все дыры выебал.

Бью по тормозам.

Кровь хлещет из его носа. Эта картинка перед глазами как навязчивое насекомое.

Я ударил собственного отца. Я ударил человека, который болен. Ударил человека, который скоро умрёт.

Пальцы отпускают голову. Вдоль машины туда-сюда. Нужно вернуться в салон. Посмотреть, как он там.

Извиниться.

После того, что он сказал? Ну уж нет. Он заслужил. Он не смел так говорить.

Просто развернусь и уйду, вот что. Пойду пешком. За минут сорок доберусь до квартиры, если быстрым шагом. А если бегом...

Слева от меня машина на дороге. Стоит метрах в тридцати. Как только я поворачиваю голову, свет фар гаснет. Но машина никуда не едет.

Елисей был прав? И за моим отцом кто-то следит?

Делаю шаг в сторону неизвестного автомобиля. Маленький. Красного цвета, или малинового. Вряд ли этот Ковалевский послал бы киллера на такой тачке.

Ковалевский послал киллера. Самому-то не смешно? Елисей, конечно, пересмотрел криминальных детективов. Скорее за рулём девушка, и она просто заблудилась. А тут ещё я резко дал по тормозам, и выскочил из машины как ошпаренный. Испугалась, вот и стоит поодаль.

Порыв ветра сносит с леса снег. Лицо обдаёт ледяным вихрем. С дерева слетает тяжёлая ветка, и обрушивается на капот красного/малинового автомобиля. Машина, по-прежнему без включённых фар, начинает движение назад.

Я возвращаюсь к отцу.

Его голова запрокинута. Он держит платок у носа.

– Наклонись вперёд, что ты делаешь? – я упираю ладонь в его лопатки. – Опусть подбородок. Ниже, прижми к грудной клетке.

Тяжело выдыхаю. Если у него начнётся приступ кашля, он прямо здесь и задохнётся. Не надо было мне ехать. Тогда ничего бы этого не произошло.

Я мягко жму газ, и уже через десять минут мы въезжаем в посёлок. Как только арка ворот остаётся позади, салон заливают светом. По сравнению с неосвещённой дорогой вдоль леса всегда кажется, что ты попадаешь в другой мир.

Некоторые дома уже украшены гирляндами. В прошлом году не было ни одной. Хотя нет. В позапрошлом. В том ноябре я был невменяем.

– Где пульт? – я роюсь в бардачке.

– В отсеке подлокотника.

Коричневые дверцы собираются гармошкой под потолком двухуровневого гаража. Отец всё-таки достроил второй этаж. Он всегда мечтал сделать там бильярдную. Так было модно в девяностые. Как будто дома места мало.

Я долго смотрю на лысеющий затылок. Чувство жалости стягивает изнутри.

– Ты как? Дай посмотрю, – он бьёт меня по протянутой руке.

Выходит из машины. И прежде, чем захлопнуть дверь,

бросает:

– Я завтра же займусь переоформлением клиники на тебя.
Хочешь, чтобы твоё детище погибло – убей его сам.

4. Яна

Он обещал мне еду. В желудке будто прорва. Я никогда бы не подумала, что чувство голода способно пересилить страх. Стыд. Холод.

Вкус – ради этого ощущения я готовая отдать сразу все другие. Согласна на любую пищу. Хотя бы крошку. Только бы ощутить на зубах, разгрызть, смочить слюной. Почувствовать на языке.

Челюсть сводит от желания. Я вгрызаюсь в собственные губы, сдавливаю, причиняю себе боль. Язык мечется в поисках капли крови. Солёной. Хотя что-то. Хотя что-то.

Щелчок. И дверь открывается. Я поднимаюсь резко. В голове гудит. Серебряные пятна перед глазами. Коленки подгибаются.

Втягиваю носом воздух, пришедший с ним. Голова кружится. Тело трясёт как в лихорадке. Ощущаю, как выступают капельки пота у висков. И слюна заполняет мой рот. Я как собака реагирую на хозяина. Я жду его. Это нормально?

Шаг к нему навстречу. Привязь держит у стены.

Он садится на пол в позе лотоса. Поодаль от меня. Держит прозрачный пакет, перевязанный сверху как мешок. Разматывает узел, запускает внутрь ру-

ку. Шуршание заставляет моё сердце биться чаще. Скрипит упаковка от сырных чипсов. Он надрывает её, не отводя взгляда от моих глаз. Вытаскивает один ломтик. И погружает в рот.

По комнате разливается запах сыра. Желудок бьётся пульсом.

Он молчит. Ест, плотно смыкая губы. Но мой слух улавливает каждое движение внутри его рта: зажаренный до хруста картофель, сдобренный сырым порошком, степенно и методично размалывается, крошится, заполняет солёно-острым вкусом всё вокруг.

До меня вдруг доходит: он ждёт, чтобы я попросила. Это такая стратегия: расчленишь личность, но прежде заживо содрать оболочку. Не разовым актом. А сдирать постепенно, по маленьким лоскуткам. Попрошу один раз – и придётся просить всегда. Перейти эту грань – и я превращусь в жертву.

Отступаю на шаг.

– Ты не голодна?

Я сажусь на пол. Прислоняюсь спиной к стенке. Страх. Стыд. Холод. Переступлю. Но не гордость.

Он расправляет почти опустевший пакет. Задирает голову. И в его открытый рот соскальзывают по сгибу как по горке самые маленькие крошки. На маску падает несколько штук, они цепляются за ткань

и остаются там, на обтянутом чернотой подбородке.

Люди могут очень долго прожить без еды. Ставят фантастические рекорды: недели, месяцы. А я здесь не больше суток. Что я? Слабачка? Нет. Хер ты дождёшься, чтобы я просила.

Он встаёт. Разглядывает свои ладони. На его пальцах остался сырный порошок.

– Я покормлю тебя, – улыбается. Кивает на пакет, в котором ещё несколько упаковок. – Но мне нужно кое-что узнать для начала.

Идёт ко мне. Я вжимаюсь в стенку.

– Тебе какие больше нравятся? – он проскальзывает носком ботинка под мои согнутые ноги, и немного подталкивает их вверх. – С солью? Со сметанкой? Или такие, которые сейчас ел я?

Его рука трогает мою щёку. Я отворачиваюсь. Он большим пальцем к моим губам.

– Попробуй. У меня есть ещё, – хочет протолкнуть его внутрь. – Лизни.

Сжимаю зубы. Выкручиваю шею до рези. Лишь бы держаться подальше от него. А он надвигается. Теперь его рука вплотную к его животу. Другой обхватывает мою голову. Заставляет повернуть лицо к нему. Его тело нависает надо мной. Закрывает собой свет. Только чернота одежды. Слишком тесной. Обтягивающей каждую выпуклость.

Я зажмуриваюсь.

– Оближи, и я тебя покормлю, – его слова падают на меня сверху.

Рука сжимает подбородок. Я дёрнулась. Он схватил крепче. Надавил. Как в тисках. Зубы сводит от боли. Щёки будто проткнули узкими полыми трубками. Мой рот сам распахивается, поглощая вместе с воздухом его палец. Он трётся об мой язык, заполняя вместе со слюной всё внутри солью. Я скребу ногами по полу как рухнувшая птица, разгибаю их. Пинаю воздух отчаянно, раз, раз, и ещё, до тех пор, пока не попадаю по чужому телу.

Он делает шаг назад, отпуская моё лицо. Сгиб его пальца между верхними и нижними зубами. Я ощущаю круглый кончик костяшки. Зубы соскальзывают с неё. И я сжимаю челюсть изо всех сил.

Вскрик. Он выдёргивает. Отшатывается. Я сплёвываю на пол его кровь вместе со слюной. И осмеливаюсь смотреть ему в глаза. Неприкрыто, с вызовом.

Человек в маске поворачивается ко мне спиной. Он идёт в центр комнаты. Резким движением поднимает с пола пакет. Вздёргивает его как пыльную тряпку. Упаковки с чипсами сыплются на бетон.

Возвращается ко мне. Рывком поднимает на ноги. Кричу.

Шорох у поясицы. Я больше не прикована к стен-

ке. Только узел наручников за спиной.

Он позади. Цедит на ухо:

– Тебя следует проучить, – и подталкивает к двери.

Крыша. Плоская. Куски рубероида разбросаны как взрытый асфальт.

Ему скользко. И он теряет равновесие. Я на мгновения свободна от его рук. Но мне эта свобода – падение. Ловит. Толкает вперёд. Мои ботинки носками упираются в бетонное возвышение. За ним – край.

Нажим на шею сзади.

– Не надо! – хриплю.

Небо заваливается за спину. Десяток этажей до смерти. Зажмуриваюсь. Край крыши врезается в рёбра. Воздух тяжёлой пощёчиной в лицо.

Не смотреть вниз. Не смотреть вниз.

Он трясёт меня. Я кричу. Я сорвусь. Там смерть. Так страшно. Ничего больше никогда не будет.

– Достаточно? – спрашивает. – Достаточно, чтобы ты стала послушной?

Он держит меня лишь одной рукой. Одна секундная слабость – и меня не будет. И я молюсь, чтобы он был сильным. Достаточно сильным, чтобы удержать меня в своих руках.

– Я буду, – мычу я. – Буду.

Он подхватывает, разворачивает резко, по плечам ладонями. Я рухнула на бетон.

– Лиж, сука, – под нос свою руку.

Костяшкой большого пальцы ткнулся в губы. Раздвигает их силой. Цепляет ногтем уголок рта. Лезет внутрь. Я принимаю. На его ране кровь запеклась. Рубцом на гладкой коже. Он погружает палец в мой рот полностью. Я обнимаю его, зажимаю между языком и нёбом. И сосу.

– Смотри мне в глаза.

Я встаю на колени, приподнимаю голову. В прорезях чёрной ткани глаза зверя. Над его головой проносятся вороны, чёрные как смоль на фоне тусклого серого неба. Их карканье сливается с его ласковым:

– Хорошо. Ты заслужила еду.

Он вытаскивает палец медленно. Я не смыкаю губы. Дышу ртом. Будто воздух сможет очистить. Слюна набегаёт в щёки. Противно будет её глотать.

Он сжимает моё лицо и заставляет подняться.

– Но сначала...

Его зрачки расширяются. Меня начинает трясти. Я переставляю ноги медленно. Перед глазами моргающее небо.

Успеваю сделать вдох.

На моей голове пакет. Он сжат так плотно на шее, что ни капли влажного воздуха не проступает внутрь.

Я подхвачена. Разложена на бетоне. Его тело надо мной. Как сквозь шлем голос:

– Однажды я так уже делал, – его рука шарит по моему животу. Пальцы проскальзывают под резинку трусиков. – Познакомил одну девку с миром запретного наслаждения, – приторным голосом, и довольный стон, когда нащупывает клитор. Надавливает другой рукой на шею. – Я душил её и ласкал одновременно. И когда она начала терять сознание, я вошёл в неё, и она окатила простыни от струйного оргазма. Ты хочешь так?

Он переворачивается на спину, утаскивая меня за собой. Я вижу небо. Не его лицо в чёрной маске. Спасибо. Последним увидеть небо.

Прозрачный полиэтилен бьёт меня по губам. А когда я выдыхаю – исчезает ненадолго. И снова бьёт. Эти шлепки по губам я запомню навсегда. В них нет боли. Но они приводят в животный ужас. И этот шорох. Такой противный звук. Как стрекочущие насекомые в высокой траве – а тебе в неё падать.

Своим животом упирается в мою поясницу. Моё тело поднимается и опускается, вторя его дыханию. Одна его рука ластится к моему телу. А другая уничтожает мою жизнь. Накатывает паника. Я что, сейчас умру? Сейчас?!

Нет! Нет! Нет!

Виски сводит от асфиксии. Сосуды каменеют, или набухают, или рвутся. Внизу живота колет. Я больше

не могу выдохнуть. Только протяжный, бесконечный вдох, который травит меня углекислым газом. Ноги трясёт, бьёт об бетон, выпрямляет. Немеют кончики пальцев на руках. А потом немота расплзается дальше, к плечам, к сердцу.

Я не хочу! Не хочу!

Что-то изменяется.

Исчезает давление. Отступает паралич. Я лежу на животе. Жадно хватаю воздух, который сочится сквозь распахнутые края пакета. Прозрачный полиэтилен лезет к глотке. Ему навстречу рык из грудной клетки. Горло сводит от судороги. Как будто хочу сказать, но заикаюсь. Подавить тошноту. Дышать. Язык беспомощно мечется во рту, пытаюсь вытолкнуть пакет. Руки дёргаются. Хотят помочь. Развяжи меня!

Он срывает пакет. Воздух.

Подхватывает меня и ведёт по крыше. Или несёт. В темноте лестница. Ступени бесчисленные. Я не падаю по ним. Тело на весу. Давление на животе. Он обхватил меня одной рукой.

Я начинаю брыкаться. Кричу. Лицо липкое и мокрое. Щёки зудят. Глаза щиплет. Слёзы застилают их. Он чуть не убил меня. За что? За что это мне?

Щелчок. Я на полу.

Меня трясёт. Волосы свалились на лицо, лезут в распахнутый рот. Повсюду вой. Мой.

– Успокой её, – говорит он.

Меня так бьёт дрожью, что наручники звенят за спиной. Быстрым ритмом. Дзыньк. Дзыньк. Дзыньк. Дзыньк. Как тикающая бомба их лязг.

Руки на моём плече. Я вздрагиваю и замираю. Они другие. Нежные. Едва ощутимые, как у маленькой девочки.

– Как тебя зовут? – её голос у моего лица. Она распутывает мои волосы осторожно, отодвигает их.

Я уставилась на девушку. Она сидит передо мной на коленях. Одетая. Совсем не испуганная. Улыбается как добрая медсестра. С заботой гладит моё плечо.

– Тише. Я Маша. Постарайся дышать глубоко и ровно.

Мы были в парке. Больше всего я боюсь холода. Однажды в новостях показывали про девочку, которая потерялась зимой в лесу. Когда нашли, она была уже мертва от переохлаждения. Её тело накрыли смазанным пятном на экране. Но моё детское воображение вскрыло эту пелену. И я запомнила то, что увидела.

Я замёрзла уже после десяти минут прогулки. Но Серёжа так увлечённо рассказывал о делах в ресторане, что мне не хотелось его перебивать. Какая я молодец, что упростила его туда устроиться. Теперь я из надёжного источника знаю, как идут дела в «Северном сиянии».

Деревья расступились. Перед нами склон. Горки. Серёжа повёл меня туда.

– Давай прокатимся? – предлагает.

Я обвожу толпу. На вершине несколько взрослых. Болтают, поглядывают на стайку детишек, которые задают суету на горке.

– Катаются только дети. Как-то неудобно.

– Да ладно, Пулька, так наоборот будет ещё веселее. Ну? – его пухлые губы растягивает ухмылка. – Толика беззаботности, и ты, наконец, начнёшь смеяться. Хочу, чтобы эти грустные серые глаза засияли.

– Мы испортим твою одежду, – оглядываю его дублёнку.

Он, конечно, не пойдёт на попятную. Теперь со мной он старается быть упорным, всё доводить до конца. Почувствовал, что я стала слабой. И так незаметно, потихонечку, стал пробираться в мою жизнь. И забрался дальше, чем можно было предположить. Иногда, как сейчас, например, на меня накатывает – как озарение – какого хрена происходит? Это что, Серёжа рядом со мной? Тёти Наташин Серёжка? Я теперь позволяю ему называть меня «Пулька». Яна-Яна, так ведь только папе было можно. А я изображаю покладистую девочку. Разве это не предательство самой себя?

– Куплю новую. Скоро о таких мелочах даже задумываться не придётся.

– Ты же говоришь, что дела плохи.

– Теперь, когда я стал управляющим, всё изменится мак-

симум за год. У меня уже столько вариантов. Я вторую неделю мониторию статьи про успешных владельцев ресторанов. Выписал стратегии. На их основе составлю индивидуальную, подходящую «Сэси».

– Чего?

– Я так называю наш ресторан. Коротко и ласково.

– Даже не думай менять название, – мой тон выходит угрожающим, и Серёжа хмурит густые брови. Складка на переносице поднимает золотые волоски на дыбы.

– Я и не собирался. – Его широкий подбородок уходит назад. – Просто, мою кошку так звали в детстве, вот я и... сокращённо же...

– Я поняла, извини.

– Ничего. Давай попросим у кого-нибудь тьюбинг. Вот там вроде бесхозный.

Серёжа подходит к одному из взрослых и спрашивает разрешения прокатиться.

– Прошу, – подкатывает к моим ногам красно-чёрный тьюбинг, усаживается к краю, и предлагает мне сесть перед ним.

Я опускаюсь в «лодку», прижимаю колени к груди. Серёжа сталкивает нас с вершины двумя фрикциями. Сжимает меня со всех сторон.

Визжу. Для приличия. Мне не страшно совсем. Признаю – даже нравится. Неровности ледовой горки задают скольжению рваный ритм. Потом нас начинает крутить. Мой попутчик хохочет, и вибрация его грудной клетки щекочет заты-

лок.

Край тюбинга подрезает слой снега, и холодная россыпь бьёт в щёки.

– Держи меня! – кричу я, зажмурившись. – Держи меня, не отпускай!

Несколько секунд самых крепких объятий в нашей с ним жизни друг для друга.

Конец спуска. Там, где чёрный лёд полудугой врезается в снег, мы подлетаем. Зависаем в воздухе. Серёжа обхватывает меня ещё крепче. Накрывает подбородком мою голову. Будто боится выронить огромный стеклянный шар.

Снова прилипли к земле. Снег останавливает нас медленно. Объятия не слабеют. Ещё держит меня в своих руках, пока я не заканчиваю смеяться.

– Всё, давай вылезать, – я высвобождаюсь.

– Тебе понравилось? – Серёжа отряхивает рукав дублёнки, выбивает снег как пыль из ковра.

– Спрашиваешь? Очень! Дай помогу, – нежно толкаю его локоть, заставляя развернуться ко мне спиной. Сбиваю последние снежинки с окаёмки воротника.

– Пойдём в обход? – он кивает на подножие склона.

– Только надо вернуть хозяину эту штуку.

– Разумеется. Подождёшь?

Серёжа поднимается в гору легко. Его мощная спина недвижима, как железный щит. Держит верёвку тюбинга сгибом одного пальца.

Спуститься решает, сев пятой точкой на узкую линию льда. Он едет быстро. Хохочет. Зажмурил искрящиеся серые глаза так, что появились лучистые морщинки. Его лицо покраснелось от смеха и холода. Такой довольный. Заражает настроением, и я рефлекторно улыбаюсь. Он похож на простого русского парня со старых картин, где художники рисовали весёлые гуляния в деревне, когда в нашей стране ещё были цари и перевязанные красными лентами праздники.

Мы начинаем путь обратно. Вдоль остекленевшей речки, мимо спин рыбаков в тулупах. Пар их дыхания ветер гнал к нам, с запахом спирта на голодный желудок.

К городу. Ещё так долго. Под локтями бетонного памятника. На перекрёсток, где светофор будет отсчитывать сто двадцать секунд прежде, чем мы сможем перейти дорогу. И тротуар, параллельный проспекту: широкому, безапелляционно прямому.

– Спасибо, что уговорила меня туда устроиться. Такое поле для деятельности. И отличные перспективы. Владелец, конечно, всё запустил. Как ты узнала про это место?

– От подруги. Ей там очень нравилось раньше, до кризиса.

– Теперь она к нам не ходит?

Зажмуриваюсь, мотаю головой.

– Пригласи её к нам через полгода. Она обалдеет, как всё изменилось.

– Хорошо. Я бы... я бы хотела пойти к вам работать.

– Серьёзно? Это из-за меня?

– Думаю, нашим с тобой отношениям пойдёт на пользу общее дело.

– Общее прошлое, общее дело. Мы всегда будем вместе. Не боишься мне наскучить? – задорно хмыкает.

– Я буду стараться не сделать этого.

Заебало притворяться!

– Мне нравится, как розовеют твои щёки на морозе, – сытая улыбка.

– Признак здоровья.

– Честно? Не поэтому. Кажется, что ты краснеешь от смущения. Это забавляет.

– Думаешь, после наших объятий на льду меня может смутить прогулка под руку.

– Не это. Мой взгляд.

– Что в нём? Такого.

– Ты видишь по нему, что я хочу тебя поцеловать, – тянется ко мне.

– Серёж, как ты думаешь, сколько у меня было мужчин? Его размеренный шаг даёт сбой.

– Я бы не хотел об этом думать, – после того, как прочистил горло кашлем.

– А ты подумай.

– Какое это имеет значение?

– Имеет. Сказать?

– Нет.

– А зря. Тогда бы ты знал, что меня уже не смутишь же-

ланием поцеловать.

– На что ты рассердилась?

– Слишком долго идти. А мне ещё надо поговорить с родителями про переезд. Собрать вещи.

– Почему ты не хочешь, чтобы я тебе помог?

– Если что, мне поможет Дэни. Она обещала поехать со мной.

– Ну конечно. Вездесущая Дэйнерис. Она не твой жених, это не её обязанности. И мне не нравится, что я не знаю адреса. Как будто ты не хочешь, чтобы я мог найти тебя.

– Родители тоже не будут знать. По крайней мере, первое время.

– Значит, Дине ты доверяешь больше, чем людям, которых знаешь с детства?

– Дело не в доверии. А в притязаниях на мою самостоятельность.

– Тебе не нужно становиться самостоятельной. Каждая девочка посчитает твою судьбу завидной. Ты ещё до того, как съехать от родителей, нашла мужчину, который готов заботиться о тебе всю жизнь. Тебя бережно передают из рук в руки.

– Хорошо, что не по рукам, – бормочу я.

– Зачем ты так? – ловит меня, приобнимает, шарит рукой по моему боку. – Ужасный у тебя пуховик, Пулька. Почему так резко изменился стиль одежды? Раньше ты носила... мягко скажем, вещи пооткровеннее.

– Не знаю. Давай продолжим идти, – высвобождаюсь.

– С твоей фигурой нужно носить пальто в обтяжечку. Иначе никто не догадается, что в этом ворохе тряпья прячется идеальная фигурка.

– В пальто холодно.

– Значит, шубка. Хочешь, прямо сейчас зайдём? Что-нибудь приглядишь. Это будет мой тебе подарок к новоселью, м?

– Серёж, не спеши. Ты только выходишь на новую должность.

– И что? Моих сбережений хватит, даже если в «Сэси» и за пять лет ничего не изменится. Я много работал, Яна. Потому что всегда надеялся, что мне выпадет честь взять ответственность за тебя. Перед глазами пример твоего отца. И я очень старался.

– Я знаю. Ты – молодец. Только я больше не потребитель, понимаешь? Меня всё это уже не прёт. Вещи не доставляют мне удовольствия. Я не вижу счастья в том, чтобы ими обладать.

– В таком случае, обладание чем сделает тебя счастливой?

– Собой.

Серёжа хихикает.

– Что? – я всматриваюсь в его краснеющее от гогота лицо. – Ну тебя! – толкаю его ладонью в лоб, сдвигая шапку. – Дурачок. Ждём здесь, – я останавливаюсь у магазина бижутерии и поворачиваюсь к Серёже.

– Чего ждём?

– Дэни. Она обещала забрать меня отсюда в пять.

– Зачем? Я бы отвёз тебя, – он стягивает шапку. Его светло-русый ёжик вмялся на затылке. Причёсывается широкой ладонью.

– Ты и так потратил на меня много времени сегодня.

– Если ты передумаешь устраиваться в «Сэси», у нас скоро появятся обычные поводы для ссор. Серёжа, ты уделяешь мне мало внимания! – делает свой голос визгливым. – Работа тебе дороже семьи! – смеётся. – Так хочется ссориться с тобой из-за пустяков. И тут же мириться. И чтобы моя Пулька снова много разговаривала. Хочу, чтобы ты делилась со мной всеми мелочами из своей жизни. Ты ведь когда-нибудь расскажешь мне всё?

– Ты и так всё знаешь, – вымученно улыбаюсь. – Думаю, даже больше меня. Некоторые события выпадали из моей памяти, когда я перебарщивала с алкоголем.

– Больше, чем пересказ событий. Я хочу попасть вот сюда, – он упирается указательным пальцем в мой висок. Меня передёргивает. Будто ствол приставил. И взглядом давит, подавляет: – Хочу знать, что ты думаешь. И думала, когда происходило то или иное в твоей жизни. Не только хорошее. Всё плохое тоже.

– Всё будет. Со временем, – я уже начинаю раздражаться на Дэни, за то, что она опаздывает.

– Зачем откладывать? Давай начнём прямо сейчас. Вот

сейчас: что ты чувствуешь? – он вплотную, целует кончик брови, поток его дыхания заставляет меня прикрыть глаза. Целует в скулу. Его пальцы подрагивают, хотят сжимать сильнее, пока поцелуи подкрадываются к моим губам. Шепчет: – Тебе хорошо?

Я открываю глаза. Внимательно всматриваюсь в Серёжино лицо. Отблески мигающих аварийек за моей спиной тонут в его расширенных зрачках, снова вспыхивают рыжим на коже, задавая всему его образу нечто демоническое.

– Эй, голливудская парочка! – голос Дэни позади. – Мне пора вас разлучить.

– Как всегда вовремя, – устало выдыхает он.

– Увидимся, – целую его в щёку.

Сажусь рядом с Дэни.

– Помашки Серёженьке ручкой, – блеет она.

Мы отъезжаем.

– Сегодня мы неплохо прогулялись, – пытаюсь придать своему голосу нотки радости. – Я же говорила, всё налаживается. Я ещё чувствую раздражение, когда нахожусь с ним, но всё реже.

– У меня к тебе серьёзный разговор. Только ты не нервничай.

– После таких слов трудно не нервничать.

– Извини, что порчу тебе настроение после свидания. Но я подумала, что ты должна знать.

– Ты видела Серёжу с другой девушкой? – слышу надежду

в собственном голосе.

– Нет, Серёжа здесь ни при чём. Сегодня, когда ездила к тебе забирать сумку... Твоя мама позвала меня на чай, разумеется. Заставила съесть кусок пирога. А когда я вышла. Под дворником машины. Кое-что нашла.

Изучаю её лицо. Сглатываю.

– Что?

– Открой бардачок. Оно в самом верху.

Я дышу быстро. Даже чуть покачиваюсь. Ещё два коротких выдоха, и отщёлкиваю замок. Черная пасть раскрылась.

Жёлтый огонёк подсвечивает конверт. Белый. С пустыми графами «кому» и «от кого».

– Ты его читала?

– Конечно нет!

Беру конверт в руки. На всю лицевую сторону косо наклеена полоска бумаги. Капсом, чёрными буквами, простым шрифтом «Times New Roman» напечатано «ТВОЕЙ ЯНЕ».

5. Костя

Я даже не смею подойти к ней. Просто наблюдаю со стороны.

Саша окутана красотой. Над головой раскинуты по дереву тёмно-жёлтые гирлянды. Дымка от бенгальских огней проплывает медленно, как мистический туман обступает её фигуру. Фонтаны-фейерверки золотыми столбами бьют за её спиной. Саша держит обеими руками бокал, наполовину полный шампанского, и её пальцы гладят кружево богемского стекла. На плечах шубка из белого меха с серебристыми кончиками. Идёт к её серым глазам, их долгим разрезам, чуть приподнятым у внешних уголков, аккуратно подведённым чёрными линиями. В ней есть что-то схожее с красивым северным зверем. С волчицей, пожалуй. Нечто благородно-воинственное.

Губы сомкнуты, грустные. Какие теперь её губы на ощупь? Нельзя разобрать, пока не проведу по ним пальцами. Спускаюсь к шее. На ней тяжёлое ожерелье из крупных бусин.

Давит на горло желание.

Линия платья закрывает ключицы. Вниз взглядом по краю распахнутой шубки. Юбка в пол. Всё скрыто, кроме щиколотки. Чуть выставила ножку в мерцающей туфельке вперёд, вспорола тонкий слой пушистого снега на плитке каблуком.

Насколько разрез её юбки высоко? Выше коленки? До середины бедра?

Сглатываю. Получить эту женщину снова, вернуть её себе – не меньшая жажда, чем брать в первый раз. Это будет в сто раз сложнее, после всего, что я сделал.

Саша встречается со мной взглядом. И тут же отводит глаза. Не единой морщинки над переносицей. Губы разомкнулись, и она что-то ответила собеседнику. Вымученно улыбнулась. Бросила на меня ещё один взгляд. Быстрый. Ничего не значащий для окружающих. Только для меня красноречивый.

Она поворачивается ко мне спиной. И уходит на аллею, освещённую двумя рядами низких фонарей.

Я следую за ней.

– Привет, Костик, – приторным голоском справа. Её подруга Ангелина. Машет мне кончиками пальцев.

Я киваю, и убыстряю шаг. Здесь я уже не надменный. Больше не преуспевающий. Я смотрел на них сверху вниз всегда. Потому что моей целью были не деньги, а власть. Власть над жизнью. Я вступал в схватку с самым жестоким и коварным противником, продумывал каждое своё движение, чтобы победить не кого-нибудь, а саму смерть. А что они? Конкурировали с людьми, считали цифры и разрабатывали бизнес-стратегии. Я думал, что я лучше их.

Саша идёт медленно. Красиво. В волосах переливаются камни на заколках, удерживающих её всегда уложенные

в причёску волосы. Она распускала их только для меня. Как я раньше этого не замечал?

– Я знала, что ты придёшь, – она немного поворачивает голову в мою сторону, когда я поравнялся с ней. – Только поэтому держусь спокойно. Не думай, что мне не тяжело.

– Спасибо, что согласилась поговорить.

– А был выбор? Ты стоял там так долго. И смотрел. Это было невыносимо.

– Извини. Я думал, ты не замечаешь.

– Я узнала тебя в толпе. По тому, как ты идёшь, двигаешься. Мне не нужно смотреть тебе в лицо, чтобы узнать.

– Мне приятно это слышать.

Она легонько улыбается. Я должен попросить прощения. А вместо этого наслаждаюсь её равнодушием.

– Ты хочешь помириться ради своего отца?

Мой взгляд ползает по её губам, искривлённым в горькой усмешке. Как же хочется поцеловать её. Убедиться, что она скучала. Ждала. Примет меня любого, после каких угодно проступков. Отвечаю:

– Нет.

– Что – нет?

– Я сожалею о том, что так поступал с тобой.

– Наглая ложь. Ты собираешься вернуться домой. И хочешь прибрать к рукам всё, что раньше тебе принадлежало.

– Я хочу исправить ошибки.

– Звучит не очень романтично.

– Романтика – это не ко мне. Ты же меня прекрасно знаешь.

– Кое-что в тебе поменялось, – она позволяет себе поразглядывать меня несколько секунд. – Появилась неуверенность в манере держаться. Совсем немного. Но я сразу различила.

– Возможно...

– Но это не делает тебя менее привлекательным. Или более достижимым. По-прежнему. – И добавляет тихо: – Всё остальное по-прежнему.

Я выдаю усмешку:

– Сколько их было после меня? Других, чтобы забыть.

Саша довольно рассмеялась:

– Вот видишь, я не ошиблась. Ты пришёл, чтобы заявить права на свою собственность.

– Так сколько? Десять? Двадцать? Я не шучу. Мне необходим ответ.

– Ты – самонадеянный ублюдок. Думаешь, нужно так много, чтобы забыть тебя? – Зажмуривается ненадолго и довольно выдаёт: – Их было три.

– Всего? Почему так мало?

– Нужно было именно это число. За каждый раз с ней, о котором я знала.

– А о которых не знала?

– Не буду мстить. Тебя заводит, что я больше не принадлежу тебе, так?

– Я хочу начать всё с чистого листа.

– Так не бывает. Ты – тот же.

– Нет. Человек не может остаться прежним после того, что произошло.

– Теперь я буду обязана *ЕЙ*, если у нас всё сложится? – её губы оскорблённо вздрагивают.

– Я обещаю, что если ты позволишь мне... добиваться тебя, ты не пожалеешь.

– Ах вот как? Теперь мужчина просит разрешения на то, чтобы добиваться? Нет, не так. Теперь Константин Лисковец просит?

Саша отпивает из бокала, морщится, вытягивает руку и переворачивает его вверх дном. Шампанское прорезает узкое и глубокое отверстие в высоком сугробе. Следом падает бокал.

Мы поворачиваем вправо, следуя за резким изломом аллеи. Здесь узкая тропа. И теперь мы идём плечом к плечу.

– Твой отец так и не доделал его? – киваю на здание бассейна впереди.

– Решил оставить так. Его отговорили использовать столько стекла, сколько предполагалось в проекте.

– А как же «вид на северное сияние, когда плывёшь по самому большому частному бассейну в стране»? – цитирую её отца.

В стороне раздаются голоса. Несколько гостей пошли на прогулку по аллее вслед за нами. Сашины глаза сужаются

как от боли.

– Пойдём внутрь? Я не хочу никого видеть.

Не дожидаясь ответа, она проходит к зданию. Её следы первые на снегу у порога. Щелчок золотой ручки под её пальцами. В морозный воздух сквозь щель запах кедра и хлорки. Солёно-свежий запах. Почти морской.

Она закрывает за мной дверь на широкую щеколду. Здесь полутьма. Горят только подводные лампы на стенах из голубой плитки.

Сашин голос заполняет всё пространство вокруг меня:

– Ответь мне. Кого ты любил сильнее?

– Что? – я не понимаю, кого она пытается сравнить. Себя и Машу? Это глупо. Она прекрасно знает ответ. Маша стала для меня необходима как витальная потребность. И с каждым днём значила всё больше. Я упивался ей как городской житель лесным кислородом. Я задыхался от её чистоты, я с ней становился сильнее.

– Как это больно, что ты сейчас, здесь, со мной, вспоминаешь о той, к которой больше никогда не прикоснёшься, – Саша выпутывает свои волосы из заколок. Тонкие шпильки с прозрачными камнями летят на пол, отскакивают, одна спрыгивает в бассейн. Вода всхлипывает кротко, и поглощает. – Я жалею.

Она распускает длинные чёрные волосы. Синтетический запах от бенгальских огней сменяется цветочным. Саша только чуть трогает шубку, и она соскальзывает с её тела. Го-

лые руки, длинные, золотые от загара, идеально гладкие. Она всегда поражала меня своей ухоженностью. Мягкая и нарядная, совершенная со всех сторон. Такой должна быть любимица из гарема восточного шейха. Неземная. Всегда готовая только любить. Что же в ней было не так? Чего мне не хватало? Какую недостаточность я мог найти в этой женщине, идиот?

Она обходит угол бассейна, и идёт вдоль воды к южному окну.

– О чём ты жалеешь? – иду за Сашей по противоположной стороне.

– Жалею о том, что уже не смогу сделать ей плохо. Твоей мёртвой любовнице.

Саша остановилась у окна, обернулась ко мне, опустила руки вдоль тела, только уголок губ пополз вверх.

– Если бы я оказался на твоём месте, – пожимаю плечами, – я говорил бы так же, – замираю в нескольких шагах от неё.

За стеклом светло от снега. Дом будто на отшибе. Впереди высокий забор, а под ним пологий склон. И тьма леса. Над деревьями зарождается северное сияние.

– Тебя не задели мои слова? – Саша приподняла бровку.

– Я жду, пока ты продолжишь. Выскажи всё. Иначе у нас ничего не получится.

– Твоя меланхолия меня раздражает, – идёт ко мне. – Я влюбилась не в такого мужчину. Теперь ты недостаточ-

но агрессивен, – её пальцы расстёгивают пуговицы на моём пальто. Самыми кончиками сталкивает его с плеч.

– Ты же хотела, чтобы я изменился.

– Хотела. Но меня тебе не обмануть. Очередная маска. Как бы жутко это не звучало, но ты не сломался. Произошедшее только обличило то, что тебе удавалось скрывать. Ты – всего лишь маленький растерянный мальчик, который ничего не может изменить.

– Я пытался. И отказ от тебя – тому доказательство.

– Делать что-то на зло отцу – тоже несамостоятельность, Костя.

Ещё полшага ко мне. Теперь её дыхание щекошет мой подбородок. Смотрит на мои губы, поднимает глаза:

– Знаешь, что мне хотелось сделать, когда ты ушёл?

– Убить меня?

– Нет, – хитро улыбается. Отступает на шаг, разворачивается спиной к бассейну. Смотрит на меня выжидающе: – Исчезнуть.

Она расправляет руки, и, не отрывая от меня взгляда, падает.

Вода поглощает степенно. Волосы чёрными угрями извиваются. Ткань платья смывает вверх, когда Сашины ступни сталкиваются с дном. Прежде, чем чернота накроет её лицо, я вижу, что она закрывает глаза.

Я спрыгиваю в бассейн как в яму без воды. Рубашка стягивает плечи, мешает плыть. Ухожу под воду. Не хочет впус-

кать меня, отталкивает тем сильнее, чем ближе я ко дну.

Саша стоит неподвижно, словно статуэтка. Её отяжелевшее платье как камень удерживает внизу. Сквозь пузырьки и волосы пробираюсь к её лицу. Впиваюсь в её губы. Прижимаюсь к ним так, будто на моих яд. И я хочу, чтобы он проник в неё, когда она окажется на поверхности, вдохнёт, и проведёт языком по своим губам.

Обхватываю одной рукой за талию. Толкаю нас обоих вверх.

Всплеск. Перед глазами всё мутное. Мы вдыхаем синхронно. Как если бы оба душили друг друга всего секунду назад, но оба передумали доводить до конца.

Саша отталкивается от меня, её брови хмурятся. Словно она не хотела, чтобы я спасал её.

– Я задам свой вопрос правильно, – в голосе горечь. – Кого ты ненавидел больше? Машу или свою мать?

Подцепляет незаживающую рану. Боль кажется физической. Я рывком к Саше. Она от меня.

За плечи. Разворачиваю её резко.

– Я хочу знать, каким ты можешь быть на самом деле, Костя. Содрать заживо все твои маски. И после всего, что я увижу, довериться тебе.

Раздвигаю мокрые пряди, прижимаюсь к её губам. Не поцелуй. Будто намеренно мешаю ей дышать. Руками по её бедрам, по сетке колгот. Сетка тонкая, будто выросла в её кожу. Ногти подцепляют, сцарапывают с неё трусики вместе с кол-

готами. Рвут. Ткань растворяется под моими руками. Кожа скользкая на внутренней стороне бедра. Выше.

Я проникаю в неё пальцами. Она вздрагивает. Не дышит. Смыкает губы. В мою щёку стон. Я ввожу два пальца до конца. Она громким «да» разбивает эхо предыдущего стоны. Подхватываю её под ягодицы, юбка щупальцами закручивается вокруг запястий.

Не несу Сашу. Она невесома. Она не сильнее воды, путающей мои шаги. Но движет меня.

Прижимаю её к бортику. Выгибается. Её вдох натягивает до предела золотую чешую платья. Я не сдерживаюсь, с жаждой сжимаю всей пятернёй её грудь, создавая новые узоры. Другой рукой притягиваю её голову к своему лицу. Целую Сашу долго, глубоко, не давая ей ни капли контроля. Её язык податливо прогибается под моим.

Наверх. Она лишь успевает сдвинуть ноги, и я уже над ней. Заставляю опустить голову на пол. Мокрая одежда придавливает ещё сильнее, склеивает нас.

Она хочет что-то сказать, но я душу её поцелуем. И только когда самому уже хочется вдохнуть, набраться кислорода перед новой атакой, я отрываюсь. Она сбивчиво:

– Накажи меня.

Отползает на полметра. Задирает до живота мокрую юбку. По её голому лобку сбегает капли, когда она выгибается и начинает разворот.

Саша на животе. Она приподнимает попку. Её висок упи-

рается в пол. Нити мокрых волос опутали шею. Я наклоняюсь к ней. Упираюсь в неё бёдрами. Она толкается мягко навстречу. Я глажу её по голове.

– Накажи меня, – повторяет, – за всё то плохое, что я тебе сказала и сделала.

Отводит назад руки, её пальцы впиваются в ягодицы и раздвигают их.

Меня сводит с ума её поза. Она так легко предлагает трахнуть её в зад. Она. Не какая-то шалава из клуба, не обычная безотказная мышка. Александра Баунц, обеспеченная, умная, с высшим образованием, самодостаточная. Я ничего не сделал для того, чтобы заслужить такого откровенного доверия мне. Она предлагает мне себя. Она так хочет меня, что сама раздвигает ягодицы, чтобы мне было удобно войти в неё.

Я слежу за её лицом, пока расстёгиваю ширинку. Она прикрывает глаза с облегчением. Будто боялась, что я откажусь.

Её бёдра вздрагивают, когда моя рука накрывает клитор. Провожу вдоль складок, собирая на пальцы её влагу.

– Ты хочешь, чтобы я вошёл?

– Хочу.

– Ты когда-нибудь так уже делала?

– Нет.

– Ты не боишься, Саша?

– Разве тебя это остановит? – сжимается, когда ввожу в неё пальцы.

– Я хочу, чтобы тебе понравилось.

Отстраняюсь. Тяну пальто за край. Саша вдыхает глубоко. С тоской. Её обижает, что я не хочу проникать так, без презерватива.

Провожу по её складочкам членом, и медленно вхожу. Она стонет, обнимает меня своим нутром так крепко, будто не хочет отпускать. Я двигаюсь по чуть-чуть. Ладонью по камешкам выгнутого позвоночника, вниз, к её ягодицам. Слегка надавливаю большим пальцем совсем рядом с анусом. Её руки дрожат мелкой дрожью, она немного расслабила их, и заветная дырочка уже совсем не видна, только ложбинка.

– Ты не должна бояться, Саша.

Сглатывает.

– Раздвинь чуть шире. Я буду гладить тебя.

Слушается, чуть разводит бёдра.

– Я буду гладить тебя везде, разрешаешь?

Ввожу член в её щёлку до конца. Пальцами пробираюсь к её животу. Обвожу вокруг пупка, проникаю в него.

– Разрешаешь? – повторяю.

– Да.

Большим пальцев проталкиваюсь в ложбинку между её ягодицами. Подушечкой сверху, над самым отверстием, только прикладываю, и лишь затем слегка надавливаю. И когда чувствую, что она сама поднимает попку выше, проникаю кончиком пальца туда. Она шибко выдыхает. Мой член уже весь в её влаге. Я вытаскиваю его медленно, сменяю его

пальцами, чтобы она не чувствовала себя пустой. Головкой у входа. Она опять сжимается.

– Саша, – шепчу. – Саша, хорошая моя.

Я накрываю её руки своими. Чуть раздвигаю её ягодицы. И ввожу только головку. Тугое кольцо сдвигает кожу. Она дышит часто. Её спина поднимается дугой. Продвигаюсь медленно. В бесконечное отверстие, которое растягивается под моим напором. Она закусила губу, и выдыхает. Её спина опускается низко. Я притягиваю её к себе. Насаживаю её на себя. И не останавливаюсь до тех пор, пока мои бёдра не упрутся в её ягодицы. Теперь она вся моя. И я начинаю двигаться. Туго и резко, вырывая из её груди стоны. Она стискивает меня. И я уже не вхожу, проталкиваю внутрь. С усилием, чтобы дойти до конца. Её пальцы на моих бёдрах, тянут к себе. Она сама делает мне движение навстречу. Когда её попа ударяется о мои бёдра, я больше не сдерживаю ритм. И двигаюсь в ней так же быстро, как если бы был в её щёлке. Она жмётся ладонями к моей коже. Хватает воздух широко распахнутым ртом. Я всаживаюсь до упора несколько раз, и кончаю.

Если я больше не оставлю её, я сделаю так ещё. Уже без резинки. Я хочу, чтобы струя проникла глубже, чем смог мой член.

Мы лежим на стылом полу плечом к плечу. Наконец, Саша приподнимается, заглядывает мне в глаза, кладёт голову на мою грудь. Она ведёт ладонью по моему животу. Говорит

тихо:

– Мне нравится, как просвечивает твоя кожа, когда белая промокшая ткань прилипает к телу. Как будто я подглядываю за тобой. Могу видеть то, что не должна.

– А мне нравится, что ты всегда озвучиваешь свои мысли. Как будто я могу услышать то, что не должен слышать.

– Не всегда. Ты правда думаешь, что у меня так мало мыслей в голове?

– Я хотел сказать, что ценю тебя за откровенность.

– Хорошо. Это хорошо... Что мы будем делать дальше?

– Для начала мы подадим заявление.

– На кого?

– Мы должны пожениться как можно скорее.

– Ты серьёзно, Кость?

Я беру в ладонь прядь её волос. Когда мокрые – выются. Не мелкими кольцами – волнами. Как у той девушки, которая преследовала меня. Всегда ненавидел эти волны. У моей матери были такие же. Будто она только вышла из душа, и они не до конца просохли. В этом было что-то распутное.

– Я хочу, чтобы мы заключили брачный контракт, – откидывая прядь её волос на спину. Глажу по плечу. – Я не шучу.

Саша хмыкает:

– Я даже не знаю, обижаться или радоваться.

– Это не дань моде. Пункт, касающийся измен, необходимо рассмотреть как можно тщательнее.

– Ты мне не доверяешь?

– Себе. Я больше не хочу тебе врать.

– Хорошо, – она прислоняется ко мне лоб в лоб. – Брачный контракт нам не понадобится. Если снова изменишь мне, Костя, я расскажу полиции, где ты на самом деле был незадолго до Машиного похищения. Я расскажу им, где ты был в тот вечер, когда Анастасия Бондырева выпрыгнула из окна.

6. Яна

– Давай не будем об этом, – мама забирает чашку с моим недопитым кофе, и идёт к раковине.

– Я уже провела там одну ночь, – нагло вру.

– Что?! – чашка с грохотом выскальзывает.

– И почти нашла работу. Аркадий Анатольевич говорит, что это как с вождением автомобиля. Пока не поедешь в первый раз один, не перестанешь бояться.

– Вы сравнили, конечно. Страх перед вождением и... это.

– Что – это? Мне двадцать один год. Я уже взрослая. И просто хочу пожить отдельно от родителей. Как любая обычная девушка.

– Ты не обычная девушка. Это не просто попытка стать самостоятельной, как у обычных девушек. То, что случилось с тобой...

Закрываю лицо ладонями и рычу:

– Я каждый день проклинаяю себя за то, что вы знаете. Не надо было ничего рассказывать. И этим дурацким полицейским надо было сказать, что я ничего не помню.

– Ты хочешь, чтобы он остался безнаказанным?

– Он остался!

Вскакиваю. Мама делает шаг ко мне. Тянет руки. Её вялые запястья отлично отражают её беспомощность, безнадежность вообще всей ситуации. Мне становится жалко её.

И стыдно за себя. Но я всё равно говорю, уже без эмоций, по инерции:

– Он остался безнаказанным. Его не нашли. Они никогда его не найдут. Мы должны перестать придавать значимость тому событию, которое произошло. Ты, если уж совсем честно. Ты должна перестать терзать меня своим чувством жалости. Очень тебя прошу об этом.

– Я постоянно прокручиваю в голове тот день... если бы я не... ты бы...

Опять эти дурацкие слёзы! Я больше не могу этого выносить! Мне хватает моего чувства вины. Эта мерзота переполняет всё моё нутро. Хлебать ещё и чужой?

– Я проживу там некоторое время. Если мне станет некомфортно, попрошу Дину приехать, хорошо?

Неуверенно кивает.

– Но скорее всего я справлюсь. А если всё и дальше будет хорошо... а я в этом уверена... – загадочно улыбаюсь. – Серёжа предложил пожить вместе.

Мама прижимает ладони ко рту, а глаза наливаются радостью.

– Это же замечательно! – победно, сквозь сжатые пальцы. – Давай позвоним папе. Он сегодня обещал быть рано. И скажем, чтобы захватил торт по дороге. Надо отметить! А Наташка знает? Господи, как же она обрадуется! Она тебя обожает. Вы ведь не будете тянуть со свадьбой?

Какая свадьба? Мы ещё не спали ни разу.

– Всё-всё, я не лезу, – замахала руками, наткнувшись на мой хмурый взгляд. – Звоню папе!

– Поздно. Шайтан приветствует хозяина.

Входная дверь ещё не успела открыться, а мама уже бежит с новостями:

– Слава, Славик, Серёжа предложил Яне жить вместе!

Она всегда встречает его так, будто у неё для него припасено что-то хорошее. Не перестаю удивляться: как можно любить так долго, и самозабвенно? Хоть бы разок подслушать, как они ссорятся. Ведь они не могли не ссориться никогда? Просто не выясняли отношения при мне.

– А я думаю: по какому случаю на этот раз букет. Ты согласилась? – папа входит в кухню с огромной корзиной, переполненной цветами. Пухлые розы снежного цвета стискивают между собой тонкие зеленые прутки травы, которая всегда напоминает мне укроп.

– Я взяла несколько дней на раздумье, – отвечаю с наигранной надменностью.

– Умница, Пулька, – он обнимает меня огромной рукой за плечи, притягивает к себе и целует в висок. – Забирай дары от терпеливого поклонника.

Корзина занимает половину кухонного стола.

– Что пишет? – мама с щенячьим восторгом крутится у букета.

Ищу записку. Бормочу:

– Потерялась, что ли?

– Может, в цветах?

Я стараюсь аккуратно, приподнимая кончиками пальцев бутоны, обнаружить записку. Заглядываю на букет сверху. Сквозь бело-зелёное месиво, из центра, проступает что-то кроваво-красное. Я раздвигаю бутоны. И тут же отдёргиваю руки.

– Что? Что такое?

Смотрю на испуганную маму. Я, дура, даже шаг назад сделала, отступая от букета.

– Ничего. Страшного. Шип. Укололась, – шепчу. Сглатываю. Подхожу.

Там действительно ничего страшного. Просто в самой середине букета спрятано несколько цветов мерзких анемонов. Наверное, это такая задумка. Наверное, так букет выглядит интереснее. К тому же Серёжа ничего не знает про анемоны. Я погружаю руки в холод свежих цветов. Я честно пытаюсь пересилить себя. Но мысль о том, чтобы трогать эти красные лепестки... одна лишь мысль...

– Мам, поищи ты, пожалуйста. Я пойду за пластырем.

В ванной мою руки под горячей водой. Хочу избавиться от холода как можно скорее. Дело не в цветах на ощупь. Леденящий ужас. Порождённый ассоциацией.

Так жестоко было спрятать их в самое сердце простого и симпатичного букета. Так изуродовать первое впечатление. По незнанию. По случайности.

– Однажды Афродита полюбила Адониса. Он был

охотником, ловким и сильным, – он за спиной. Его руки распускают узел. Тесная плеть соскальзывает как шёлк. Свет нападает рывком. – Любовник Афродиты, Арес, был могущественным олимпийским богом, богом войны. Он не позволил бы своему сопернику жить. Арес превратился в вепря.

Я вслушивалась в его голос как в заветную музыку. Только бы грохот его слов заглушал... Запах крови режет. Режут по живому её всхлипы.

– Говори, пожалуйста, говори, – прошу я.

– Вепрь пронзил Адониса клыком. И возлюбленный Афродиты пал. Открывай глаза, милая.

Не смотреть вниз!

Сквозь холодный свет ламп, на фоне серой стены, проступают красные лепестки. Он рвёт цветы над моей головой. Они сыплются медленно, потемневшие в перегибах, надломанные его пальцами. Две жизни, человеческие, молодые, ещё несколько дней назад цельные, раздроблены им, рассыпаются прямо сейчас, на моих глазах.

А затем я заплакала.

– Она плакала. И слёзы её превращались в анемоны. В греческой мифологии это цветы скорби. Но разве они не прекрасны? Посмотри, – нежно. – Посмотри! – зло.

Резко опускаю взгляд. Вдыхаю носом. И сочащаяся

из её тела кровь пахнет ржавеющим металлом.

– Я хочу, чтобы ты украсила её для меня. Девочку, которую ты принесла мне в жертву. Разве можно было преподнести мне такой дар не нарядно. Ведь в обмен на неё ты получила полноценную жизнь. В обмен на эту жертву твоя жизнь останется без скорби.

Моя жизнь останется без скорби?!

Собираю с его ладоней бутоны кроваво-красных анемонов. Оседаю на колени перед растерзанной девушкой. Её глаза заклинаят. В её хрипах через скошенный чёрным кляпом рот только мольба. От человека не осталось ничего. Она только просит, просит, просит.

Не в силах выдерживать её взгляд, первый цветок я укладываю на веко. Девушка послушно закрывает глаза.

– А его кровь, – шепчет за моей спиной он, – превратилась в розы.

– Записки нет.

Вздрагиваю. Оборачиваюсь.

– Но твой мобильник разрывается, – мама прижалась к дверному косяку и протягивает мне вибрирующий телефон.

– Серёж, привет, – улыбаюсь в трубку. Жду, пока мама совсем исчезнет из виду. Надо сказать ему, чтобы больше никогда не дарил мне паршивые анемоны. Только корректно.

– Уже собирался сбрасывать.

– Извини, опять забыла звук включить. Спасибо за...

– Не хочешь прогуляться по городу?

– Сегодня?

– Ага.

– Не могу. Буду готовиться к переезду. Не хотела собирать вещи, пока не обсужу с мамой.

– Обсудила?

– Мама, конечно, не в восторге, но меня спас ты.

– Правда? Но я ничего не делал.

– Я призналась, что ты хочешь съехаться.

– Ты серьёзно? – он будто не верит. – Это значит... это значит, что ты согласна?

– Думаю, к этому всё и идёт.

– Я даже... – он хмыкает в трубку, – даже не надеялся. Предлагал это уже по инерции.

– Ясно. Значит, блефовал?

– Что? Нет. Нет, Яна, я не то имел в виду! – смеётся. – Ты себе даже не представляешь, как я сейчас рад. Вот будто сон. Боюсь спугнуть.

– Серёж, только это не сразу, ладно? Ты же понимаешь, на меня лучше не давить.

– Ещё бы понимаю! Я тебя столько лет знаю. Блин. Пулька. Сказал бы мне кто полгода назад, что девушка моей мечты ответит мне взаимностью. Яна, чёрт возьми, я же... Со всем недавно говорил с мамой, что ты никогда не согласишь-

ся. А она меня убеждала ещё подождать. И вот... Ты меня сейчас таким счастливым сделала.

– Спасибо, мне очень приятно. Но я к тому, что сегодня увидеться не получится.

– Я понял. Блин, меня это почти не огорчает на фоне твоей новости! Получила мои цветы?

– Буквально несколько минут назад доставили. Спасибо. Только...

– Понравились?

– Очень. Только... можно тебя попросить?

– Да, всё что угодно.

– Больше не дари мне анемоны, пожалуйста. Я их... ненавижу.

– Ане – что?

– Ну, такие красные, были сегодня в букете.

– Эм... Красные? Они что-то напутали, наверное. Я просил белые лилии, никаких анемонов.

Оборачиваюсь на кашель. На пороге стоит папа, одна его бровь удивлённо приподнята. Он держит в руках распухший над целлофановой обёрткой букет белых лилий.

– Да... – бормочу я. – Видимо, что-то напутали.

– Вот сволочи! Элементарное задание поручить нельзя. Я сейчас им позвоню.

– Нет, нет, не надо! Спасибо, Серёж. Мне пора, ладно?

– Конечно. Целую тебя, Пулька.

– И как это понимать? – папа протягивает мне открыт-

ку. На ней пожелание чудесного настроения и подпись «Твой Серёжа». – Букеты от одного и того же человека, или поклонников всё-таки несколько?

– Нет, оба от Серёжи. Он сердится, что не одновременно их доставили. Напутали что-то.

– Неудивительно. Обычно дарят по одному на персону. Впрочем, моя дочь заслуживает особенного отношения, – вручает мне букет.

Выхожу в гостиную. У окна стоит мама. Новый стеклопакет такой чистый по сравнению с соседним старым, что кажется, будто стекла вовсе нет.

Моя мама вглядывается в зимний пейзаж с тревогой – я вижу, как поднимаются её плечи из-за беспокойных и глубоких вдохов. Её правая рука приподнята, повисла в воздухе, пальцы будто держат сигарету. Она раньше курила. И вообще, как туманно выражается папа, была настоящей оторвой. Он говорит, что брак излечил её. Не знаю, что точно это значит, но я бы никогда не подумала, что моя мама могла когда-то курить, шлаться по клубам, попадать в милицию за непристойное поведение, и вообще делать хоть что-то из тех вещей, которыми положено заниматься «оторвам». Она заботливая домашняя, прости господи, курочка.

Хотя... порой, когда я неслышно вхожу в комнату, и моя мама думает, что никто не видит её... она совсем другая. Мягкая фигура обретает изломы, лоб хмурится от презрения к перебираемым в голове мыслям, руки подрагивают, будто

пытаются найти что-то в воздухе, какую-то невидимую нить с прошлым, которую она хочет нащупать и разорвать.

Я еду в спортивный центр.

Зал полупустой. Забиваюсь в уголок, на самый дальний от сцены ряд. Достая из сумки листок, который подсунули в конверте Динке под дворник. И перечитываю уже в сотый раз.

Я уничтожу все твои принципы. Я буду всаживать в тебя свою идеологию, семя за семенем, пока цветовая схема внутри тебя не обретёт контраст, пока каждая твоя загадка не станет прозрачной, пока ты не смиришься с тем, что мне нельзя говорить «нет». Мой мотив насилия отточен годами, заострён, как свежесвыплавленное холодное оружие, и я буду погружать в тебя его лезвие до самого основания, в самых твёрдых местах вминать в тебя рукоятку, поднимать порог твоей чувствительности мучительно медленно. Методично усиливая давление. Я заставлю тебя поверить, что я последователен. Но глубоко внутри ты каждую секунду будешь ждать и бояться, что моё следующее действие нанесёт тебе сокрушающий удар. А ещё больше, больше всего на свете, ты будешь бояться, что я уйду.

Объявляют. Его имя. И я наклонилась вперёд, чтобы следить за каждым маневром.

Лезвие рапиры напряжённой нитью сверкнуло в отблеске таблоида. Название нашего города написано по-английски. Константин Лисковец в правой части сцены. Он стоит ров-

но, опустив оружие к полу. Рука в большой чёрной перчатке неподвижна. За спиной натянут провод. Свободной ладонью надавливает на затылок, заставляя шлем сесть ниже. Чуть вперёд левую ногу.

Соперник возится в противоположном краю сцены, далеко от экрана. В полутьме его оружие кажется недлинным кинжалом в массивной рукоятке. Настолько узок клинок на кончике, что невидим.

Хорошо, что я пришла сюда. Посмотреть на него в маске. В однотонной одежде. Правда, сегодня он весь в белом. А тот был в чёрном. Но это неважно. Я не отвлекаюсь ни на что, слежу только за повадками. И первое, что начинает меня смущать – Константин Лисковец левша. У похитителя правая рука была ведущей, это однозначно.

– Готов? – мужчина у сцены смотрит на Костиного соперника. Тот поправляет перчатку, кивает, и, грациозно наклонившись, поднимает с пола шлем.

– По местам! – командует голос с первого ряда.

Оба направляются к центру. Останавливаются резко. Граница – синие полосы, начерченные на полу. Соперники сгибают колени. Чуть наклоняются в сторону друг друга. Провода за их спинами натягиваются, будто держат, не дают им сблизиться. Между задранными рапирами метр.

– К бою!

Экран сменяет буквы на цифры. Ноль-ноль. Раунд. Часы начали обратный отсчёт.

Костя наступает шагом. Соперник – скачком. Клинки не сталкиваются. Дрожат, будто угрожают друг другу. Схлестнулись на полсекунды. Рука соперника вниз, вперёд, туда же его тело. Костя взмахнул рапирой, будто высверлил в воздухе отверстие. Влобоборота, спиной к зрителям. Его руки расправлены. Поза «я не прикасался». Протяжный писк. Как у сканера на кассе. Удар был засчитан. Только кто его нанёс – не понимаю. Всё настолько быстро произошло. Счёт сменяется на «один-ноль». Соперники снова друг против друга.

Костя встречает атаку. Каждое перемещение со скрипом. Шелест трения. То ли ноет костюм, расталкиваемый резкими движениями, то ли скользят их узкие ботинки по прорезиненному полу. Или это провод, раскручивающий катушку.

Противник делает рывок вперёд. Костя уклоняется. Так, будто отступает от человека, который падал к его ногам. Раздаётся писк. Они снова по местам. А счёт уже «один-один». И новая единица появилась за Костиной фигурой. Кто-то из них успел задеть. Ни черта не понятно. Я думала, он лишь поднял руку вверх. А получается, он атаковал?

Отступает. Рука соперника врывается в его личное пространство. Костя целится в плечо. Писк, и они снова на большом расстоянии друг от друга. Но счёт не меняется.

Переступают с ноги на ногу. Будто примеряются к рывку сквозь раскачивающиеся маятники.

Рапира соперника проскальзывает между его рукой и те-

лом, вдавливаясь в бок и гнётся. Костя заносит своё оружие сверху, укол в локтевой сгиб. Они снова расходятся. И снова идут друг на друга.

Мне кажется, Костя проигрывает. Соперник двигается больше. Его позы очень агрессивные. По крайней мере, я заранее понимаю, когда он не просто переступит с ноги на ногу, а сделает рывок. Он приседает на корточки, целясь в живот снизу. Подпрыгивает высоко, когда заходит за границу своего врага. Всё время смещает его к краю сцены. Костя почти не задействует корпус. Он делает мягкие движения кистью, и плечом, когда наносит удар. Рапира соперника вспыхивает серебряными дугами то сверху, то между их телами. Движений лезвия Костиного оружия я не различаю совсем.

Противник широким замахом в ногах пытается отвлечь Костю, затем переходит в атаку его шеи. Костя уклоняется, и неожиданно делает шаг навстречу. Они налетают друг на друга, плечом на плечо. Скрещенные орудия расцепляются.

Впервые за раунд Костя начинает атаку сам. Теперь он заставляет соперника сдвинуться к краю сцены. По-видимому, физический контакт его рассердил. Шаги стали шире. Много быстрых движений в попытке задеть любую область тела противника. Тот почти разъехался в шпагате, нанося укол в живот. Рапира Кости уткнулась кончиком в грудь соперника. И они застыли в этой позе на целую секунду. Будто в действительности ранили друг друга.

Когда часы стали отсчитывать последние тридцать секунд, начался какой-то трэш. Столкновения происходили только между клинками, их самыми кончиками, на большом расстоянии между соперниками. Схлёстывания перемещались в пространстве, то защищая бёдра хозяина, то атакуя грудную клетку врага. Соперники чередовались в отдалении от центра. И на протяжении двадцати секунд ни разу ни одна рапира не коснулась тела.

Наконец, Костя уколол в бок. В попытке избежать удара его соперник неудачно вывернулся и потерял равновесие. Падения не вышло, но со сцены соскочил. Костя спрыгнул сам под смену цифр электронных часов на три ноля. Участников проводили бурными аплодисментами.

Это странно. Зрелище меня зачаровало. Было интересно наблюдать за Костей. Эта смена степенности и порывов приковывает, манит подойти ближе, и посмотреть ещё. Рассмотреть его как следует.

Он снял шлем. Мокрые волосы у лба. Пригладил назад ладонью. Полуоткрытые губы. Дышит часто. Мощная грудная клетка натягивает белый костюм. Даже отсюда, с последнего ряда, видно, как лихорадочно блестят его глаза.

Ловлю себя на мысли, что хочу услышать его сбитое дыхание близко. Очень близко. И внизу живота начинает ныть при одной лишь беглой картинке, как он склоняется надо мной, и дышит так у моего уха.

Я отвернулась, когда Лисковец проходил вдоль рядов,

и не вставала, пока не убедилась, что он ушёл из зала.

Юркнула в дверь, за которой он скрылся. Коридор светлый, вдоль стены рыжие шкафчики с серебряными ручками. Напротив – фотографии под стеклом. Фехтовальщики, разодетые в белое, застыли в красивых позах.

Людей не было, пока я не приблизилась к раздевалке. Оттуда вышли двое, в верхней одежде, и направились к выходу.

И что я собираюсь сделать? В голову закрадывается идеальная мысль. Нужно как-то украсть его телефон. Установить прослушку? Я даже не представляю, как это сделать. Но факт обладания его телефоном становится для меня навязчивой идеей. Более актуальной, но менее захватывающей, конечно, чем преследовать Костю. Знать, что он любит делать, с кем и как разговаривать. Влезть в его жизнь.

– Вам помочь?

Резко оборачиваюсь. За моей спиной мужчина в белом, шлем под мышкой. Волосы у лба взмокли, прилипли к коже. Смотрит с лёгким недоумением.

– Я жду Костю, – отвечаю уверенно.

– Лисковца?

Киваю.

– У него ещё один бой через девять минут. Со мной, – гордо улыбается. – Хочешь взять у него интервью? – оглянув мою фигуру, возвращается к лицу.

Уколол морально. За девушку сына мэра я сойти не могу.

– Да, для спортивного блога, – скрипучие шаги в разде-

валке. Приближаются. – Я вернусь в зал и посмотрю, спасибо.

– Не советую. Лучше сейчас, – во взгляде ожидание благодарности. – У нас после тренировки уже договорённость. Ты ведь заранее не спрашивала его? Идём.

Бесцеремонно берёт меня за локоть и тянет к дверному проёму. Оттуда навстречу человек. Сердце в пятки. Почти врезаюсь носом в грудную клетку, обтянутую белым.

– Привет, – человек проходит мимо, кивнув моему «помощнику».

Не Лисковец.

– Подожди минутку, – оставляет меня у двери и проходит вглубь раздевалки. Его фигура скрывается за рядами узких шкафчиков. – Кость!

Я делаю шаг за ним, и сворачиваю в противоположную половину помещения. Прячусь за выступающим аппендиксом стойки с грязными полотенцами. Только бы никто не зашёл. Только бы меня не заметили.

Бедром задеваю один из шкафчиков, и дверца со скрипом отползает. Из разинутой щели запахло грязными носками, потом, и навязчивыми нотками морского бриза.

– Где же она? – удивлённый голос парня, который звал Костью, совсем близко. – Девушка! Только что была здесь.

– Как она хоть выглядела? – Лисковец говорит спокойно, даже мягко.

– Да обычная, молодая, студентка. Я сразу понял, что она

по делу. Такие не в твоём вкусе.

– Волосы кудрявые?

– Костя, – новый голос. С отдышкой, хриплый.

– Да я сегодня популярен. Что Вам ещё от меня надо?

– Правду.

– Проблемы? – вопрос от Костиного друга.

– Влад, извини, ты мог бы нас оставить на минутку?

– Уверен?

Шаги удаляются.

– Он будет слышать наш разговор, – мужчина говорит это тихо. – Может, всё-таки, найдём другое место?

– Вы переживаете за мою репутацию?

– Нет, она уже давно испорчена.

– Тогда говорите быстрее. У меня бой через... четыре минуты.

– Ты совсем ничего не боишься?

– Боюсь. У меня оооочень много страхов.

– Ты не воспринимаешь меня всерьёз, да? Я знаю, что Маша была с вами, когда всё произошло. У меня есть доказательства.

– Никаких доказательств быть не может. Потому что это неправда.

– Знаешь, куда я ездил?

– Конечно. Мне ведь так интересно, как проводит досуг человек, обвинявший меня в похищении и убийстве своей дочери.

– Я был в Париже.

– Поздравляю.

– Заходил в гости кое к кому. Квартирка недалеко от буль-
вара Осман.

– Наверное, красивое место.

– Виделся с Кариной Депуа.

Пауза.

Наконец, Костя выдаёт:

– И что?

– Она помнит, как Маша отменяла бронь.

– Да? Разве в этом было что-то особенное?

– А ты не помнишь? Время, когда она снимала бронь.

В это время она была в твоей машине. В твоей, а не таксиста.

– Бред. С чего вы это взяли?

Нервный смешок мужчины:

– На заднем фоне было слышно, как вы разговариваете
с твоим отцом.

– Это было до того, как мы её высадили.

– Хватит врать, – цедит. – Есть запись.

– Уходите, Владимир Анатольевич.

– Просто скажи мне, как всё было

– Я уже всё рассказал тысячу раз.

– Вы где-то остановились? На вас напали?

– Перестаньте!

Шаг.

– Каким бы мудаком ты ни был, – мужчина откашливает-

ся, – ты бы не высадил Машу одну, поздно вечером, на безлюдном шоссе.

Шаги уже в коридоре.

– Костя! Лисковец! Почему ты не заступился за неё?!

7. Костя

– Костя, – как загробный шёпот. – Костя, это я, – всхлип.

– Маша! – вскакиваю. Ладонью в воздух, чтобы все молчали. – Маша! Где ты?

У меня перехватывают телефон. Ставят на громкую связь. Что-то подключают.

– Костя... – она плачет.

– Хорошая моя...

Два дыхания в трубке. И его хриплый, деформированный техникой шёпот: «Расскажи ему». Я сжимаю кулаки, режу ногтями ладони. Не угрожать. Они говорили. Не угрожать.

Она долго выдыхает, и тихо:

– Он бьёт меня.

Нет.

– Он заставляет меня рассказывать о тебе. Как ты... как ты тр... тр... Как мы занимались любовью.

Звонкий удар. Он ударил её. Он ударил её прямо сейчас.

Она вдыхает громко, с дрожью:

– Как ты трахал меня. И что я ощущала, когда ты внутри.

Следовательно не отводит от меня глаз. Он показыва-

ет: молчать. Ждать. Чем больше времени протянется звонок, тем больше шансов найти их.

– Самое страшное случилось сегодня утром. Он изнасиловал меня в первый раз.

Выдыхаю носом. Сжимаю зубы до треска в челюсти. Вгрызаюсь в собственные щёки.

– Он был так груб, Костя. Если бы ты только знал. Ты бы достал его из-под земли.

– Я достану! Слышишь?! Сука! Ублюдок! – выплёвываю в трубку. – Я найду тебя!

Меня толкают, держат за плечи двое. Я вырываюсь, и к двери. Хочу оглохнуть. Не хочу слышать. Знать. Существовать после всего этого.

– Он разорвал мою одежду. Запрещал закрываться. Хлестал по рукам. Бил меня ногой в живот. Я падала. Он поднимал. Прижимал меня к стенке. Душил. Я сопротивлялась, Костя. Я клянусь тебе. Но когда он навалился на меня, придавил к полу... Он такой тяжёлый. Я не могла ему помешать.

Меня швыряет по комнате. Я сдерживаюсь из последних сил, чтобы не сбежать, как последнему трусу. Я ненавижу её голос теперь.

– Я сломала об него все ногти. Я кусала его, Костя. А он продолжал... Потом он завязал мне глаза. И я не слышала его шагов. Сначала шорох. Свист. Удар. Я кричала. Кричала изо всех сил.

Хватит. Пожалуйста...

– Когда я остаюсь одна, я обнимаю себя руками. Я представляю, что мои пальцы на рёбрах – твои. Но он лишил меня и этого. Потому что теперь любое прикосновение причиняет мне только боль.

Они не могут его вычислить! Тот, что с устройством у телефона, кривит свою сытую рожу и мотает головой. Как так может быть? Как?

– А час назад... – дрожь голоса. Стук. Будто чуть не выронила трубку. – Час назад он взял нож. Мои ноги были широко раздвинуты. Связаны на щиколотках так туго, что синели пальцы. Он... – всхлип, шёпотом «я не хочу», хлопок по голой коже, вскрик. – Он сел напротив, развернул нож лезвием к себе. И ввёл рукоятку в меня. Большое, толстое, до самого основания.

Я подавляю приступ тошноты. Лбом в холодную стену.

Он заставляет её говорить это. Она будто зачитывает с листа. Да. Это неправда. Это лишь его фантазия. Он не делал этого с ней.

– Мне было так больно, – она опять плачет. – Он вытаскивал его, полностью, и вводил снова. Я чувствовала, как внутри надрываются ссадины. Он смотрел мне в глаза. Ему нравилось наблюдать за мной. Изучать мои ощущения. А потом он убрал нож. И втокнул в меня свои пальцы. Сказал, что я сухая. Склонил-

ся к моему животу. И начал ласкать меня языком... Так, как ты никогда не делал... И я потекла.

Бью стену.

– Это неправда!

Глухое: «Я лю...», и звонок обрывается. В комнате эхом стоит её вопль: «Это неправда». Это неправда. Всё это неправда. Он ничего с ней не делал. Он просто ждёт. Удобного момента, чтобы выпросить денег. А это специально. Он придумал всё это, чтобы выпросить больше.

– Он ещё позвонит. Позвонит, – врёт следователь.

Я оглядываю комнату, в которой всё это происходило. Если мужчина ни на что не способен, он разрушает то, что не может дать сдачи. Я лишь портил вещи. Сорвал штору. Разломал барный столик, который принадлежал нашей семье больше тридцати лет. Он схлопнулся под моим кулаком как бумажный китайский фонарик. Обожгло руки взбитое стекло. И ссыпалось. Ковровое покрытие заменили на ламинат. Ещё избил сотрудника полиции. Потому что мы не смогли получить координаты. Он. Не смог. Отследить. Звонок. Который длился, сука, больше четырёх минут. Вот там бил, загнал его в угол, где теперь стоит огромный аквариум.

То, чего теперь здесь нет, напоминает о днях, пока Маша была там, в руках *того*, под его телом, мучительно медленно изничтожаемая. Сначала морально. Затем физиче-

ски. То, что здесь присутствует, тоже служит напоминанием. И в первую очередь, мой отец. Потому что из-за него произошло всё это говно.

Интересно, он дал бы денег, если бы *тот* попросил? Я убеждал себя до последнего, что за неё потребуют выкуп. Я этим оправдывал своё бездействие. Бездействие в течение двух дней после её похищения.

Их было бы больше.

Если бы Машин отец не забил тревогу.

А если бы он этого не сделал, не приехала бы полиция.

А если бы полиция не приехала, прессе нечего было бы сказать.

А если бы в прессе не стали выдавать информацию, что к дому мэра приехала полиция, похититель потребовал бы выкуп.

Слишком много «если».

На западе прореженный пустотами ряд сосен. Их кроет снег. Алая машина притаилась у поворота, на кромке обочины. Ветер швыряет в моё окно капли обрывками паутины. Через набухшие линии как через сломанную лупу искажаются очертания забора, разделяющего нас. Их выгнутая поверхность задаёт погрешность в восприятии расстояния. Кажется, что она ближе ко мне, чем есть на самом деле.

Она там. Девушка, которая следит за мной. Смотрит сквозь лобовое.

Долбаная журналистка. Кого она больше ненавидит: меня

или Сашу?

Ничего не стоит обмануть её. Обойти дом с другой стороны, выбраться через узкий проход, рубящий коттеджный посёлок на две части. И подойти сзади. Я заставлю её выйти. Возможно, мне придётся разбить стекло.

Выволочь её хрупкое тело и бросить на снег. Ей будет не больно. Только страшно. Может, она побежит. Если удастся погнать её в лес – она, считай, моя. Она не знает ни одной тропинки здесь. Потратит много сил зря, пока будет бежать. Быстро устанет. Поймёт, что единственный способ выбраться – вернуться назад. Ко мне. Будет ждать шороха моих шагов как спасения. Будет выискивать мою фигуру в промежутках между стенами из деревьев. В двутонном пейзаже из чёрных стволов и белого влажного снега будет жаждать хаоса. И я приду. Разбавлять контрасты.

Толстовка. Плевать на холод. Быть манёвренным сейчас важнее. Высокие ботинки. Если побежит в лес, я смогу добраться до неё даже через самые крутые сугробы. И мне ничего не будет это стоить. А девушка измучается в своих коротеньких уггах. В широкие полости вокруг тонких щиколоток наберёт снега. Промокнет. Она будет терять одежду. Выскочит из кармана перчатки. Зацепится распахнутым шарфом за ветки. Исцарапается в кровь. Будет падать. Вставать. Бежать до последнего. Вывалять её в снегу. Станет насквозь мокрая.

Узкая калитка. Тесный коридор из заборов-прутьев. За-

леденевший пожарный пруд. Я иду по выбритой грейдером просёлочной дороге. Снег здесь остался тонким слоем. Плотно сбит, идеально гладок. Можно скользить, если кто-то подталкивает в спину. Меня подталкивает. Желание добраться до девушки сейчас же.

Она попытается? Или будет ждать, пока я не подойду вплотную? Она ведь тоже что-то решает в этой ситуации. А я хочу, чтобы решал только я. Пресечь навсегда её попытки делать что-то относительно меня. Если бы можно было одним взглядом выбить из неё эту дурь. Она смеет следить за мной. Разглядывать меня украдкой. Думать обо мне то, что ей заблагорассудится.

Девушка вышла из машины до того, как я вывернул на дорогу. Она идёт к моему дому. Отдаляется от меня. Убыстряю шаг.

Толкнуть её в спину? Упадёт – поднять? Поставить на ноги как вздёрнуть. Заставить посмотреть мне в лицо. Пусть как следует разглядит меня и запомнит: ко мне больше никогда не приближаться.

Замерла. Голые кисти в кулаки медленно, пальцы нервно подрагивают, глядят воздух, пока ногти не начинают царапать ладони. Как услышала? Не сбавляю шаг.

Оборачивается. Резко. Будто репетировала эту сцену. И позади уже несколько дублей со мной. Она не испугана. Держит лицо.

– Ищешь меня? – говорю холодно, приближаюсь к ней ме-

тодично.

От моего голоса вздрагивает. Её передёргивает как от противного воспоминания. Меня не останавливает. Ещё десять шагов, не больше, и я буду вплотную.

Она бросает взгляд на свою машину. Я слишком близко. Не надо было выходить, дурочка. Ты на моей территории. Твоё – только твои мысли. Но всё выложишь, если захочу.

Даю ей фору на эти пять шагов. И вслед. В лес. Через сло-манные ею ветки.

Девушка ищет тропу. Её взгляд мечется во все стороны. Я ловлю его весь, когда она оборачивается, убегая от меня. Быстро иду за ней. Сбиваю ветки ладонями с пути. Мне здесь как по ровному. Она по снегу как по высоким, криво слеplенным ступеням. Проваливается. Зачерпывает снег, он жжёт ей пятки, щиплет, будто впивается мелкими зубками в венки.

Прогибается под тяжёлой веткой ели. Ещё раз. Ещё. Ис-чезает между тёмно-зелёными иголками ненадолго. И снова высокие сосны позволяют ей убыстрить шаг.

Её кудрявые волосы выбились из-под шарфа. Кончики на-мокли от снега и распрямились. Я слышу, как они с глу-хим стуком ударяются об пуховик, когда она подскакивает на склоне и сносит себя на тропинку.

Берёт вправо. Резко. Поскальзывается. Падает на одно колено. Отталкивается голыми ладонями от снега. И снова на ногах.

Теперь она бежит быстро. Из всех сил. Но этого недостаточно.

Я просто стою на тропинке и жду. Ловлю себя на отчётливом желании: пусть ещё чуть-чуть это продлится. Пусть она как можно дольше будет надеяться, что сможет убежать. Сломать её надежду, разгромить в пух и прах мне будет слаще лёгкой добычи.

Про себя считаю до трёх.

Она замерла так же резко, как тогда на дороге. Вслушивается в далёкий лай собак в стороне. Вой машин. Скрип деревьев, которые валятся, срубленные пилами.

Она снова ко мне лицом. Смотрит.

Два. Один. Срываюсь. Мчу в её сторону. С места развиваю такую скорость, что не остаётся никаких сомнений. Секунды, и она больше ничего не сможет сделать.

Я различаю каждую эмоцию на её лице. Она плачет. Её трясёт. Столько плохого из-за меня. А ведь она даже не знает, кто я и что я. Но будто специально выбрала ту же гамму чувств, которая была у моей матери при нашей последней встрече: ненависть, презрение, гнев, но всё от чувства собственной вины. Та винила себя в том, что ненавидит собственного ребёнка. А в чём винит себя она? За что так ненавидит саму себя? Она будто специально хочет, чтобы я уничтожил её.

Тропинка увела бы её вглубь. Но она выбирает бег с препятствиями. Снова в ветки. Думает, мне тяжелее петлять

между деревьями, чем ей. А всё наоборот. Я давно научился маневрировать. Жизнь обязывает. А она – порыв, импульс в чистом виде.

Режу расстояние диагональю. Близко. Ещё чуть-чуть, и смогу различить ритм её дыхания. Она вымотана, как раненая в крыло птичка перескакивает через гладь снега, вспоротую собачьими следами.

Поляна. За ней – ещё метров двадцать леса. И стройка. Но туда девушке уже не дойти.

Шаг, два. Стоит лишь протянуть руку. Схватить её за волосы. Сделать больно. Я хотел намотать эти кудри на кулак, когда ещё впервые увидел её.

Она остановилась. Резко и внезапно. Без видимой причины. И мой рывок остаётся при мне. Я торможу в метре от неё. Могу теперь досконально различить узор, переплетённый в блеске её волос: золото и коньяк, такие цвета чередуют друг друга в её кудрях.

Она так близко. Но её дыхания не слышно. Заглушает остервенелый лай впереди.

Между хилых рябин, криво обросших малинником со всех сторон, прут собаки. Стая. Пасти оскалены. Лай начинается с рыка, и обрывается жёстко, таким же хрипом, закольцовывая угрозу в один короткий и не требующий раскодировки звук. Они говорят на человеческом языке: «Рвать!», «Рвать!», «Рвать!»

Девушка хочет бежать. Она заносит ногу над первым

шагом. Я хватаю её за локоть. Она вскрикнула, сошла на всхлип. Ташу её к себе. Прижимаю резко. Она врезается спиной в мою грудную клетку.

Перебираю пальцами по её рукавам. Мягко толкаю. Прячу её за спину. Шепчу:

– Молчи и не двигайся.

Стая врезается клином в личное пространство, обступает дугой. Вылезают только головы. Тела дёргает от лая, заставляя полукруглую линию ряда искривляться изломами. Передние лапы вытянуты до предела. Подползают, режут когтями снег. Приближают носы. Морщат их. Втягивают запах распахнутыми ноздрями. Из-под кожи проступают от ярости рёбра. Над позвоночниками вздыблена коричневая и чёрная шерсть.

Я не интересую. Они косят злые глаза, пока подбираются к ней.

Голову вполоборота. Неторопливо. Девушка запуганным до смерти существом прячется за моей спиной. Она жмётся ко мне. Я медленно разворачиваюсь, пока её лицо не оказывается напротив моей грудной клетки.

Обнимаю. Притягиваю. Её бьёт крупной дрожью. Вжимаю в себя, сильно. Все её мышцы, которые я ощущаю своим телом, напряжённые, стянутые, потихоньку расслабляются. Она затихает. Почти повисает на мне. Смиряется. Подхватывает мой ритм дыхания, и перечит ему. Выдыхает, когда вдыхаю я. Она так близко, так крепко зажата в моих руках,

что по-другому нельзя дышать.

Лай постепенно сходит на нет. Собаки разрушили дугу, рыщут в снеге поодаль. Вожак метит территорию, задрав массивную лапу в колтунах над разбухшим пнём.

За спиной, далеко, откуда пришли собаки, слышен свист.

Стая частями покидает поляну. И пока шорохи от последней не исчезают, я не отпускаю девушку.

Отступаю. Она смотрит на меня. Угольки зрачков влажные от слёз и ужаса.

Я не знал, что они выходят. Извини. Иначе я бы не позволил тебе зайти сюда.

Она не прочтёт это по взгляду. Но уловит сочувствие, в этом я уверен. Может быть, это сочувствие остановит её?

И что?

Больше никогда не придёт?

Становится так холодно. Интенсивность этого ощущения коррелирует с нарастающей дистанцией между нами.

Ярость сменяется простым влечением. Желание сжимает за один рывок. Я мог бы сделать с ней всё, что захочу.

Девушка отступает медленно. Будто я зверь, и брошусь, если сделает резкое движение. В её глазах растерянность.

Делает несколько шагов, не поворачиваясь ко мне спиной. Пока не упирается в край поляны. Ощущает, что теперь нужно видеть дорогу. Понимает, что если упадёт, я её уже не отпущу.

8. Яна

Так смотрел на меня. Этот взгляд бьёт. Не по лицу. В живот. Парализует. Дыхание. Я ещё дышу?

Делаю глубокий вдох широко распахнутым ртом. Слышу отчётливо это жаждущее кислорода «аххххх».

Будто ударили в солнечное сплетение. Но кулак не убрали. Распрямил пальцы. Вонзился ими под рёбра. Сжал. И тащит на себя. Хочет вырвать с мясом.

Я отдалялась, преодолевая боль. Я ещё никогда не ощущала груз притяжения настолько. Оно было свинцовым. Наваливающимся, как груда камней. Погребающим под собой. Растаптывающим. Втирающим в мёрзлую землю. Константин Лисковец вмиг стал безымянным. Пустым и гладким, как потерявший память. Безликим. Он сам превратился в это притяжение, подминающее меня под собой.

– Дэни, – выпускаю её имя в трубку.

– Господи, Яна, что с тобой?

– Мне срочно нужно увидеть тебя.

– Что случилось?

Я вытираю голыми руками запотевшее окно автомобиля. Не дождавшись, пока налипшие друг на друга слои снега окончательно сдвинет дворниками, давлю на газ. Мои вопросы сыплются на Дину:

– Я могу приехать к тебе? Ты дома? Одна?

– Нет. Но я выеду прямо сейчас. Где ты? Хочешь, я тебя заберу?

– Нет, нет. Встретимся у тебя. Я за городом. Наверное, ты приедешь раньше.

– Ты цела?

Пустая дорога у его дома исчезает за поворотом. Я с облегчением выдыхаю. Чтобы я ещё раз...

– Яна? Ты цела?

– Да. Да. Мне надо сосредоточиться на дороге. До встречи.

Телефон выскальзывает из пальцев, заваливается между сидениями. Я в последний момент успеваю перехватить руль обеими руками, чтобы выровнять машину. Деревья надвигаются на меня с огромной скоростью. А встречные автомобили проползают долговязыми червями. Мутит.

Моргаю часто несколько раз. Опускаю стекло. Включаю музыку громко. Вцепилась в руль, наклонилась вперёд, будто впервые веду машину одна. Ступня прыгает на педали тормоза. И иногда машина это чувствует. Распознаёт сигнал. Дёргается.

Если я остановлюсь, то меня смоеет это цунами мыслей. Мыслей, порождённых физическими ощущениями. Я заставляю себя не верить им, хотя они мои собственные. Я не принимаю вас, слышите? Уродливые. Мутировавшие. Ошибка природы.

Невпопад повторяю слова из песни. Потом из следующей. Потом из следующей. Много песен. Вслух. Шумно. И не сни-

жаю громкости до тех пор, пока не начинается та, которая мне очень нравится, и которую я знаю наизусть. Я допеваю её тогда, когда занимаю парковочное место рядом с Динкиным домом.

Не могу ждать лифт. В теле столько импульсов, что стоять на месте сродни пытке. Я бегу по лестнице, преодолеваю десятки ступеней с нездоровым удовольствием смакуя боль в мышцах. Перед глазами темнеет. Голова как не моя. Будто кто-то давит огромной ладонью сзади, на шею, и мешает кровотоку.

На лестничной площадке даже в простых шагах путаются ноги. Заношу руку над дверью. С трудом преодолеваю желание барабанить по ней обоими кулаками. Вдох короткий, выдох долгий. Так несколько раз, пока жар в ладонях не сменяется на холодок. Как после обморока.

Палец соскальзывает с кнопки звонка. И только со второй попытки получается позвонить. Точные движения сейчас даются мне с трудом. Ждать невыносимо. Если Дины ещё нет, я с ума сойду. Начну метаться по лестничной клетке. И вообще сбегу. А куда меня понесёт, я уже не ручаюсь. Не отвечаю за собственные действия.

– Мать моя женщина, – Дина открыла дверь и уставилась на моё лицо. Приложила руку к моему лбу. – Да ты вся горяишь. Что произошло?

– Лифт, кажется, сломался. Пришлось идти по лестнице.

– Ты марафон бежала, или ко мне в гости хотела попасть?

Давай-ка скорее сюда, – втаскивает меня в квартиру.

Вздрагиваю от звука захлопнувшейся двери. Дэни расстегивает мой пуховик. Я слежу за выражением её лица. У неё морщинка сосредоточенности над переносицей. Густо накрашенные ресницы полуопущены, переливаются как угольки на жарком полуденном солнце. Мой взгляд тыкается в пухлые полуоткрытые губы. Пальцы не унять – так хочется провести по тугим плетениям её жемчужных волос. Она в обтягивающей водолазке с высокой горловиной, без рукавов. И я вижу, как немного напрягаются мышцы на её голых руках, когда она сталкивает с моих плеч пуховик. Его ткань путается в ремне моей сумки.

– Блин, когда ты станешь носить нормальную одежду и клатчи, – ворчит.

Дина поднимает над моей головой ремень сумки, приближается ко мне на шаг. От её тела пахнет сахарной пудрой. Я зажмуриваюсь от его сладости и жара. Будто прямо с морозной улицы вошла в оранжерею тропических цветов.

– Ты мне расскажешь, что произошло? – отступает. Разглядывает меня внимательно. Серьёзно смотрит в глаза.

– Ничего, – опускаю голову. Мне становится ужасно неловко. Я её напугала, наверное. Заставила бросить свои дела. А теперь даже толком не могу объяснить, зачем просила встречи. – Мне просто очень хотелось тебя увидеть... Не пойму, что со мной происходит.

– Так, иди в душ. А я сделаю тебе горячего чая. Извини, –

она достаёт мобильник из своей сумки, смотрит на экран. – Извини, – повторяет. И выходит поговорить на кухню.

Я разубаюсь и иду в ванную. Прежде, чем закрыть за собой дверь, слышу её ласковую фразу для неизвестного собеседника:

– Буду очень ждать.

Может, у Дины кто-то появился? Она никогда не уходит разговаривать по телефону в другую комнату. Всё обсуждает при мне.

Если так, я должна только радоваться. Я ведь этого хотела, верно?

Моя одежда неприятно влажная от пота. Словно я действительно бежала марафон, и не от подъезда до этой квартиры, а от того самого места в лесу.

Напор тонких струй щекочет шею. Вода охлаждает. И приятно постукивает по коже, превращая каждый участок тела в систему чувствительных точек. Я заново себя изучаю. Как если бы очнулась после долгой комы, и теперь я должна вспомнить, как всё это работает. Самоконтроль возвращается ко мне постепенно. И когда я подношу к лицу мокрые пальцы, с удовлетворением отмечаю, что они больше не дрожат.

Оставляю одежду на стиральной машинке. Выхожу только в белье.

– Я в комнате! – доносится её голос. – Иди сюда! Чего покажу!

Старый паркет поскрипывает под каждым моим шагом. Советский трюльж без двух зеркал выпячивает свой облупленный угол из-за выступа арки. Я в очередной раз испытываю сочувствие к Дине из-за того, что ей приходится жить в съёмной квартире «бабушкин вариант», и никогда не было ни одного человека, который позаботится о ней. Она всегда решает свои проблемы сама. Несмотря ни на что идёт к своей цели. Уже сменила двушку с соседкой на отдельное жильё. Уже заканчивает проходить очередной мастер-класс, на этот раз, кажется, бачата. А в прошлом году был трай-бл фьюжн. И я уверена, что до того, как мы познакомились, она уже успела изучить как минимум половину танцевальных стилей. Вкладывает в себя всё, что зарабатывает. Развивается постоянно. Знает, чего хочет.

Ошиблась. Кажется, сочувствую я себе.

Дэни сидит на полу, ко мне боком, поджав к груди одну ногу. Рисует простым карандашом. Её рука ходит мелкой дрожью, когда она делает штрихи.

– Смотри! Только вчера придумала первую деталь, и вот уже готовый вариант, – она поднимает листок над головой, не поворачиваясь ко мне.

Новый костюм, её любимое сочетание кожи и тюля, несколько металлических шипов, косая линия из чешуи на животе.

– Опять драконы? – хмыкаю я.

– Куда деваться? Сценический образ.

Я миную разбросанные на полу эскизы танцевальных костюмов. Один из них всё-таки прилипает к моей пятке.

– Ты же хотела попробовать что-то новенькое.

– Да. Латиноамериканское. Но это не в нашем клубе. Доберусь до нового уровня – вот тогда моя фантазия разгуляется. – Подходит ко мне. – Как ты себя чувствуешь?

Улыбаюсь в ответ. Она убирает прядь мокрых волос с моего лица. Тихо:

– Ты совсем другая, когда они прямые. Недоступная. Будто строгая. Но это так хрупко. Очевидно, что ты притворяешься.

Моя ладонь на её затылок. Притягиваю к себе. Прижимаюсь к губам. Дина замерла. Но не отшатнулась. Она прикрыла глаза, словно заново пробует эти ощущения. Я целую её губы с жадностью, будто пью с них воду. И когда она легонько приоткрывает их ещё чуть шире, мне сносит крышу. Я обнимаю так крепко, что из её груди вместо выдоха рвётся стон. Кусаю её подбородок. Провожу кончиком носа по полной щеке. Её заплетённые волосы открывают мне косую линию лица. Пробираюсь по ней пальцами. Рядом с ушной раковиной их сменяет язык. Она рычит, а потом хохочет, когда я щекочу дыханием её мочку. Мои губы растягивает улыбка. Основаниями ладоней сжимаю её виски. Притягиваю близко её лицо к своему. Мы уткнулись лоб в лоб, и только её блестящие глаза передо мной.

– Я так тосковала, – выпаливаю. – Теперь я знаю, что это

было. Я тосковала по тебе всё это время, пока мы были вместе. А я не впускала тебя. Не отдавала тебе ничего. А теперь я хочу. Теперь я знаю, что мне понравится. А ты? Ты ещё хочешь, чтобы я любила тебя?

Её руки соскальзывают по моей спине, впиваются в ягодицы. Она целует меня. С силой. Страстно, как в первый раз. Мы кружимся по комнате. В ногах путается одежда. Шуршат альбомные листы. Падаем на кровать. Она надо мной. Мокрые волосы холодными прутиками между нашими губами, мешают. Она откидывает их назад. Стучат об натянутую до предела простыню. Я глажу её грудь сквозь мягкую ткань. Ниже, по впалому животу. Защищаю край водолазки, оттягиваю, подворачиваю.

Её пальцы перебирают мою кожу над ключицей, нежно и настырно, самыми кончиками. Проскальзывают под чашечку бюстгалтера. Как же я скучала по таким прикосновениям. Иссыхала без них.

Пальцы Дэни начинают вырисовывать линию вокруг соска. Я выдыхаю со стоном.

На кухне раздаётся шум.

Скользнувшие по полу ножки стула. Скрип под шагом.

Мысль как ледяной осколок пронзает сознание. Отрезвляет. Наводит ужас.

Здесь есть кто-то ещё.

Я поднимаюсь резко, опираюсь на локти. Дина давит на меня поцелуем.

– Что? – шепчет, продолжая целовать моё лицо. – Что такое?

– Кто-то на кухне. Я слышала.

– Это Серёжа.

– Серёжа?!

Выныриваю из-под её рук. Встаю на пол. Вцепилась взглядом в дверной проём. Будто уверена, что он сейчас войдёт.

– Он не придёт, пока я не позову, – Дина лежит на спине и гладит живот там, где ещё несколько секунд назад были мои пальцы. – Иди ко мне.

– Какого хрена ты делаешь?

– Пытаюсь тебе помочь.

– Как... каким образом Серёжа и его присутствие здесь мне поможет? – ощущаю, как щёки щипает от злости.

– Я по голосу поняла, зачем ты едешь ко мне, – говорит, по-кошачьи растягивая звуки. – Не знаю, что тебя так возбудило, но мне в голову пришла отличная идея, как этим воспользоваться.

– Позвать Серёжу?!

– Ещё рано! Подожди на кухне! – пресекает она скрип в коридоре.

– Нет уж, пусть заходит. Давайте вместе поговорим, – зло улыбаюсь.

– Так что мне делать? – его голос прозвучал отчаянно.

– Жди! – раздражённо выпаливает Дина, и садится в кро-

вати. – Слушай, сладкая. Я могла бы и дальше наслаждаться твоими маленькими мятежами. То ты хочешь, то ты не должна хотеть. Меня это заводит. Ощущение, что ты мне не принадлежишь, и каждый раз есть надежда, что ты отпустишь себя. Можно было бы ещё дооолго играть в эти игры. Ты же знаешь, что нравишься мне. – Она смотрит в мои глаза с простодушной улыбкой. – Только проблема в том, что ты мне не просто нравишься. Я очень хочу, чтобы всё у тебя было хорошо. И если ты сомневаешься, если ты хочешь попытаться стать прежней – я сделаю всё для того, чтобы тебе в этом помочь. Иначе зачем тебе нужна такая подруга?

– Ты больше, чем подруга, – хныкаю я.

– Спокойно, – ладонью режет воздух. – Только этого не надо. Ненавижу, когда ты плачешь. Иди, иди сюда, – прикрывает глаза и манит меня пальчиками.

Я сажусь к ней, спустив одну ногу с кровати. Утыкаюсь лбом в её плечо. Она гладит меня нежно, водит туда-сюда по впадине между лопатками. Её пальцы долгим движением перебираются к ложбинке на шее, проскальзываю сквозь мои волосы. Оттягивает назад мою голову. Я подставляю губы для её поцелуя. И когда она касается их, теперь властно, смело, я моментально погружаюсь в это сладкое ощущение податливости её воле. Дэни взяла инициативу на себя. Этим она напоминает мужчину.

– Доверься мне, – упрямо убирает мои руки с кровати, и я падаю на твёрдую, словно накрахмаленную простыню.

Дэни склоняется надо мной, выпрямив руки до упора. Я с наслаждением провожу пальцами по синим, почти фиолетовым под смуглой кожей венкам на запястьях. Пересчитываю их: две длинные, косые, и одна маленькая, едва напряжённая, дугой, которой рисуют ресницы у диснеевских красоток.

В глаза. Они такие сосредоточенные у Дэни. Будто боятся упустить хоть долю секунды.

Для неё это не игра. Не забава. Она серьёзна. Требовательна. Целенаправленна.

Большим пальцем по локтю. Пробирается коленкой между моих ног. Целует одним быстрым движением в губы. Выпрямляет спину, возвышаясь надо мной. Проводит по моим плечам пальцами, разворачивает их, чуть царапает ногтями кожу у начала ключиц. Оттягивает бретельки моего бюстгальтера, сталкивает их вниз. С таким трепетом обнажает мои плечи, будто это последнее место, на котором осталась одежда. Отщёлкивает замочек спереди. Не раздвигает ткань. Просовывает руки под чашечки, сосок проскальзывает между её пальцами.

Её ладони вплотную к коже. Вниз от шеи к животу. Движение-волна, наступающая, и сбегаящая снова вниз. Я раздвигаю ноги чуть шире. Она одним пальцем в ямку у начала бедра, в самую глубину впадины. Словно поставила точку. Осталась там. На несколько секунд. Не отрывая от меня взгляда:

– Серёж, жди одну минуту, и можно. Не бойся, ладно? – глаза немного сужаются. Убеждает тоном, что ничего страшного не произойдёт. – Перевернись на животик, сладкая.

Коленкой упирается уже рядом с внешней стороной моего бедра. Сидит надо мной, широко разведя ноги.

Я послушно переворачиваюсь. Чувствую её дыхание на плече. Сталкивает мои волосы набок, закрыв ими лицо. Как сквозь частую решётку я вижу силуэт. Серёжа проходит мимо, и остаётся у кровати, вне поля моего зрения. Я чувствую его запах. Сладкий дезодорант, приторный до одури. И слышу, как звенья цепочки на кармане его джинс ёрзают друг по другу от мелкой дрожи тела.

Серёжа не прикасается ко мне. Пока. Я ощущаю только Дину. Её пальцы я знаю. Они стягивают с меня трусики. Я сама сталкиваю с себя расстегнутый бюстгальтер. И остаюсь так. Без всего. Перед ними двумя.

Жадный выдох Серёжи надо мной. А её руки гладят мою спину. Вниз. Обе ладони ложатся на поясницу. И там, где болит и тянет, когда долго хочешь мужчину, она вырисовывает полукруг с небольшим нажимом. Прикосновение к ягодицам. Кроткое, полусекундное, будто случайное. И вдоль бёдер. Под коленками щекотно.

Одна её ладонь исчезает. И её сменяет его ладонь. Крепкая, жаркая, немного влажная от волнения. Я чувствую его несмелые руки на внешней стороне бедра. Трепетно, как каплями сквозь натянутую марлю, они перебираются к моей

пояснице. Пальцы боятся. Будто онемели. Он учится. Повторяет движения за ней. Только она по лопаткам. А он ниже. Чуть вверх, долго вниз, медленно. Легонько тронул склон ягодицы. И отдёрнул. Будто я его ударила.

Дина исчезает на несколько секунд. Её прикосновения возобновляются уже другими пальцами. Влажными от масла. Она гладит мои плечи, надавливает на них. Будто делает массаж. Ни к чему не обязывающее действие. Если бы не Серёжа. Который становится всё смелее. Он чуть сжимает мои ягодицы.

– Не спеши, – её шёпот быстрый, как порыв ветра в узкую щель.

Она к моим рёбрам, задевает у груди. Задерживаю дыхание. Дэни кладёт свои руки на его руки. И помогает ему найти верное давление. И с каждой новой волной вверх-вниз я ощущаю, как он всё меньше боится моего тела.

А потом он будто вспоминает, как долго хотел его изучить. Внезапно. Накатом. И он сокращает диапазон. Теперь его движения сосредоточены на моих бёдрах. И всё навязчивее задерживаются там, где начинают подъём ягодицы.

Я поняла, что Дины больше нет в комнате только тогда, когда входная дверь щёлкнула и осталась закрыта. Настолько быстро моя Дэни научила его трогать меня, что я не успела различить: теперь на мне только его руки. И я привыкла к ним.

Большими пальцами скользнул к внутренней стороне бед-

ра. Чуть вверх, почти незаметно, случайно коснулся половых губ.

Расслабление сменилось возбуждением. Я зажмурилась. И первое, что выкинуло моё воображение – Лисковец. Глаза его эти, тёмные от желания, упрямо пробирающийся внутрь взгляд. И его крепкие руки, прижимающие меня к себе. Я захотела оказаться в них снова. С такой жадой, что заныло в груди.

Так нельзя.

Распахиваю глаза. Серёжа снова вернулся к ягодицам. Он мнёт их почти монотонно. Будто не испытывая желания. И вот лишь чуть раздвинул их, и снова отпустил. Мне хочется, чтобы он снова коснулся меня там. Едва тронув губы. Вызвав этим снова давно забытые ощущения. И чтобы на этот раз я захотела Серёжу, а не другого мужчину.

И я немного развела бёдра. Его пальцы скользнули вниз, ладони обхватили уверенно, заставляя меня ещё чуть раздвинуть ноги. Ощущение, что он разглядывает меня там. Изучает сначала взглядом, а затем начнёт руками.

Обвёл губы, самые их выпуклые линии, снизу-вверх, чуть вдавил. И кончиками пальцев коснулся мокрых складочек у самого отверстия.

Это ужасно!

Я его совсем не хочу. Не хочу, чтобы он трогал меня. Не хочу. Не хочу.

– Серёж, остановись.

Сжимаюсь.

Его пальцы больно сдавливают кожу на бёдрах, и настырно пытаются развести мои ноги.

– Не трогай!

Складываюсь как пружина. Спускаю ступни на пол. Голову вниз. Спряталась за волосы.

Мы молчим с несколько минут, не меньше.

– Я сделал что-то не так?

– Всё так, – выпаливаю. – С мной что-то не так.

– Можно я посмотрю на тебя?

– Нет.

– Пожалуйста.

Выдыхаю. Набираюсь сил, чтобы убрать с лица волосы. Откидываю их на спину. Почти сухие. И снова выются. Цепляются за ресницы, за замочки серёжки в ухе.

– Помогу, – тихо он. Собирает мои волосы в свои ладони нежно. Убирает их все назад.

Серёжа садится на корточки напротив меня. Заглядывает в мои глаза.

– Прости, что поспешил. Попробуем в другой раз. Когда захочешь. Я готов подождать.

– Спасибо, – прикрываю глаза.

– Только... – делает паузу, – мне было бы гораздо проще, если бы я знал, что произошло.

– Что-что. Я – струсил.

Смеётся:

– Нет. Сам виноват. На тебя нельзя давить... Я про другое, – смотрит серьёзно. – Было бы проще, если бы я знал, почему ты... боишься мужчин. Ведь он... ну... ничего не делал с тобой.

– Ужасно хочется пить, – встаю рывком.

– Прости. Я не должен был...

– Всё в порядке. Я сейчас вернусь.

На кухню иду голая. Интересно, это нормально, что я больше не стесняюсь его?

В висках стучит от напряжения. Шкафчик над раковиной смотрит на меня пустотой. В соседнем только тарелки. Кажется, у Дины не осталось ни одной чистой чашки. Узкий сервант в углу кухни, старенький, как и вся мебель в квартире, заполнен бокалами разной формы. Уверена, хозяйское барахло. Не дай бог разбить.

В одной из тумбочек нахожу упаковку пластиковых стаканчиков. Достāju один. Вода покрывает его стенки пузырьками.

Глоток. Ещё бы таблетку от головы.

– Как думаешь, где Дина хранит лекарства? – кричу из ванной. В шкафчике за зеркалом только косметическая дребедень.

– Точно не в комнате, – из коридора. – Здесь никакой мебели кроме кровати. Как она так живёт?

– Она там рисует и репетирует. Для этого нужно место.

В серванте тоже ничего.

– Мне неловко лазить по шкафам в квартире малознакомой девушки, но кажется, здесь что-то есть.

Выхожу к нему в коридор. Серёжа стоит над выдвинутым ящиком трюмо.

Пакетики с порошком от простуды, пара таблеток на случай помелья. В ворохе бумаги поскрипывают и поблёскивают упаковки лекарств в фольге. Кончиками пальцев перебираю и ищу нужное.

Чеки, чеки, зачем она хранит их? Уж вряд ли ведёт домашнюю бухгалтерию. Квитанции, смятый узенький билет из автобуса. И кое-что очень важное. Чек. ООО «Цветопт-торг». Заказ был сделан вчера. Розы белые – двадцать одна штука. Зелень декоративная – семь штук. Анемоны красные...

9. Костя

Шаг. Сначала уши закладывает. Вибрация в солнечном сплетении перерастает в звук. Тынц! Тынц! Тынц! Щух. Почти тишина. Волна шума нарастает степенно. Визжат девушки. Парень из толпы на танцполе: «Давай, давай, давай!» И снова, только уже быстрее бит: тыдыдыдыдыдынц!

Хочется сглотнуть. Как в самолёте во время снижения.

Здесь пахнет сладкими духами и приторным алкоголем, присохшим к пластику.

Ещё шаг. В метре от меня стена танцующих. Люди как одно целое. Будто чудовище из жуткой сказки, со множеством шупалец-локтей, вздыбленной шерстью-волосами, дышащее сбивчиво, в унисон музыке-зову.

– Она у барной стойки, – голос Елисея в самое ухо. – Пасёт меня уже второй день.

– Может, у тебя просто появилась поклонница?

– Ну конечно! Это Ковалевский её подослал, я уверен, – Елисей чешет нос. – Что будем делать? Поговорить с ней?

– Не надо. Я её уже видел. Она из-за той статьи, про меня и Машу.

– Ага, студентка журфака, значит. Только я здесь при чём?

– Подожди меня за столиком.

Узкая дорожка вдоль танцпола. Подсветка голубая, почти белая. Передо мной уверенно вышагивает на шпильках офи-

циантка. В сгиб локтя упирает поднос, уставленный пустыми бокалами для мартини. В её форме есть что-то от костюмов БДСМщиков: много кожи, и голой, и искусственной.

Зал дробят лучи синтетически-красного. Похоже на лазеры в секретной комнате из американского блокбастера. Задеть – и сигнализация сработает. А если фантастика – срежет часть тела. Вокруг одной из красных линий, не совпадая с ритмом музыки, вытанцовывает девушка: медленно, осторожно, будто боится задеть луч. Я прослеживаю за его траекторией вверх. Источник проекции под самым потолком, шарообразный, с полукруглыми выступами, как подводная бомба.

У одной из стен подвешена клетка. Внутри девушка в чёрной водолазке с горлом, без рукавов, и в лосинах. Танцует хорошо, двигается соблазнительно. Чувственно. Но лицо такое обычное. Искусственное. Невыразительное. Не обратил бы внимания, если бы не отдавалась так страстно танцу.

Я нахожу пустоты на танцполе, и занимаю одну из них. Держусь в стороне от барной стойки. Наблюдаю издали. Узкая поверхность стола украшена рядом бокалов. Такие же, как несла официантка на подносе. Только эти переполнены жидкостями. Переход цветов от нежно-розового к тёмно-бордовому, как запёкшаяся кровь.

Бармен обхватывает бутылку. Одно движение, скомканное, как иллюзионист, и над горлышком вспыхивает огонь. На фоне серой стены в крупный кирпич бутылка становится

похожа на факел.

Она выпрямила кудри, зачесала волосы в высокий хвост. Выглядит настолько по-иному, что я бы мог и не узнать её. Дело не в чертах внешности. Манера держаться. Раньше ей хотелось казаться неприметной. Она прятала лицо за волосами. Изгибы тела за мешковатой одеждой. А сейчас, по сравнению с тем образом, она как обнажённая. Бесстрашно смотрит на придурка, который пытается её развести. Он делает к ней шаг. А за её спиной, вплотную к телу, барная стойка. Берёт злоба, что кто-то другой пытается загнать её в угол, а не я.

Он легонько касается её голой руки, ведёт своими липкими пальцами вверх, к её плечу. Она отстраняет его, упиравшись маленькой ладонью в грудную клетку.

Моя добыча поворачивается ко мне спиной. Ей подадут бокал с оранжевым напитком. Она продолжает стоять, не усаживаясь на высокий стул. В отличие от напористого мудака, который расположился так, что его колено упирается в её ногу. Она старается не обращать внимания на это назойливое насекомое. Повернула голову в противоположную от него сторону. Губы сомкнуты. Слегка вжимает щёки. Гоняет во рту коктейль. Напряжена. Посмотрела на танцпол. Кинула взгляд в мою сторону, скользнула мимо меня.

Девушка поправляет короткую кофту, растягивает собранную в складки ткань, закрывая голую поясницу. Я думал, она другая. С едва проступающими формами. Как Ма-

ша. Но здесь не намёки на женственность, а её полноценное воплощение. Спереди разглядеть не успел. Зато её задница, круглая, обтянутая тонкими лосинами, запомнится надолго. Она ещё так ножку одну на мысок поставила, согнула коленку. Неудивительно, что этот петух не может от неё оторваться. И его голова всё больше льнёт за взглядом. А теперь и руки. Он выдаёт усмешку, и что-то заявляя, щипает девушку за ягодицу.

Реакция быстрая. Выплёскивает содержимое бокала ему в лицо. Задевает лишь ухо. Мужик ржёт, вытирается ладонью. Она швыряет бокал об пол. Не растерялась. Её рука на ощупь находит соседский напиток. Плотная жидкость делает дугу в воздухе, на её хвосте гаснет пламя, и бьёт точно в цель. Мужик обтекает, прикрыв глаза.

Девушка уверенно шагает прочь. Не обращает внимания на возгласы за спиной. Идёт в мою сторону. Идёт прямо на меня.

Я так и стою. Я вглядываюсь в её сощуренные глаза. Она смотрит будто сквозь людей. Как аутист. Как человек в состоянии аффекта. Поднимает глаза. Будто наткнулась на что-то. Замерла. Отшатнулась. Губы разомкнулись. Её испуганное «ах» почти слышал. Представил чётко. Как голос в голове.

Разворачивается на месте. Идёт быстро.

Я за ней. Она жмётся к стенке. Кончиками пальцев по шершавым кирпичам. Исчезает за дверью с надписью

«Служебное помещение». Я туда же. По чёрному коридору с ярким освещением. Её силуэт, зажатый узкими стенами. Не позволяю ей отдалиться. Она знает, что я иду за ней? Знает. Бросила взгляд через плечо. Убыстрляет шаг. Не надейся. Я тебя не отпущу. Что, неприятно, когда за тобой наблюдают? А когда намеренно преследуют? Побудь на моём месте.

Она плечом в дверь слева. Едва слышен удар. Как птица в пластиковое окно бьётся. Заперто. Дальше. Ещё быстрее. Её хвост раскачивается как у корейских девушек в клипе «Не джентельмен».

Взглядом вниз. Такая узкая талия. Кажется, мне достаточно моих ладоней чтобы обхватить её всю. Ноги ставит ровно. Походка идеальная, даже в спешке. Как покачивает бёдрами, ммм. Это оставил на сладкое. Теперь не смогу оторваться. Ещё её сумка сползает с бедра назад, и пошлёпывает девушку по правой ягодице.

Поворот коридора наступил внезапно. И она исчезла за углом.

Не упустить.

Как бы я хотел, чтобы там оказался тупик. Намертво запертая дверь. Не единой души. И в узком отростке коридора остаться с ней наедине.

Заворачиваю. В лицо бьёт порывом холода. Дверь была распахнута несколько секунд назад. Я толкаю её со всей дури. Вылетаю. Ледяной воздух захватывает дух. Яркий свет сменяется темнотой двора. И я, не успев взглянуться в новое

пространство, делаю рывок в сторону, и сшибаю человека.

Девушка в короткой распахнутой куртке лежит на тротуаре. Её кофта задралась до груди, подставляя холоду голый живот. Морщится от боли и поджимает коленки.

– Прости. Прости, пожалуйста. Ты цела? – я наклоняюсь, тяну к ней руки. Получаю пендаль. Едва удерживаю равновесие.

– Ты чё творишь, мудака?

– А ну сюда посмотри!

За спиной как минимум двое.

– Коль, он не специально, – тараторит девушка, пытаюсь подняться.

Я оборачиваюсь, и с ходу получаю в челюсть. Гнусь. Сжимаю пальцами подбородок. Выпрямляюсь резко. И сразу в ответ. Куда попал, сам не понял. Главное, увидел пятно лица, определил его как мужское, и врезал. Кто-то по рёбрам. Ещё в солнечное сплетение. Перехватывает дыхание. Я ещё не упал? Тогда получай. Костяшками в кость. Кому, куда – не имеет значения. Меня окружают. И я верчусь как волчок. Ищу цель. В моё лицо уже летит рука. Сложенные в кулак жирные пальцы. Успеваю уклониться. И получаю не в глаз, а в бровь. Несколько секунд саднит только там, а потом липкая кровь на закрытое веко.

И новый удар. По согнутой спине получаю ботинком. Между лопаток. Больнее, чем по заднице. Но не так унижительно. Прежде, чем упасть, хватаю кого-то из них за фут-

болку, торчащую из расстёгнутой куртки. Треск ткани. Ты, главное, упали тоже. Чем меньше их будет надо мной, тем выше шанс выжить.

Я на земле. Жму шею тому, которого завалил. Свист ботинка рядом с ухом. Дурак, надо закрывать голову. Мне, мне. Отпускаю лежащего. Ладони на затылок. Перекатиться. Не получилось. Удар в живот. Согнулся. Теперь я не встану. Задыхаюсь. Будто со всех сторон стискивает тело, где-то глубоко под водой. В долговязом прозрачном ящике. Перемотанном тяжёлыми цепями. Закованными титановыми замками.

– Отвалите от него! – звон её голоса я запомню навсегда. Он как пуля в стекло. Только выстрел раздался после её слов.

Удары прекращаются. Я на свободе. Вываливаюсь из расколотого ящика в воздух. Я вдыхаю. Дышу.

Увидеть женщину, которая меня спасла. Напрягаю шею. Поднимаю голову. Локти врезаются в шершавый асфальт. Хорошо, что больно. Я ощущаю. Осознаю. Ребром ладони стираю с века кровь. Теперь оба глаза могут анализировать. И я вглядываюсь. Распознаю.

За моей спиной уже почти не слышно топота. За её спиной глухой шум дороги. Она опускает вытянутую вверх руку. Голую от плеча. Медленно. Осторожно. Так напряжена, что даже в столь женственном теле проступают мышцы. Её пальцы ещё не сдвинулись с курка. Пистолет смотрится огромным на фоне своей хозяйки.

Несколько секунд мне кажется, что она целится в меня. По крайней мере, навела на мою голову, замерла. Но потом опустила. Я перевожу взгляд на её лицо. Фигуру я сегодня разглядел в достаточной мере. На подбородке ямочка как у моей матери, спотыкаюсь о полуоткрытые губы, длинные, будто чуть припухшие, и в глаза. Как только в глаза, она перестаёт хмуриться. Убирает пистолет в сумочку. Не игрушечный. Настоящая тэтэшка.

Девушка идёт ко мне. Кровь налипает на ресницы, склеивает их. Вытираю ладонью. Проклинаю секунды, которые упускаю. Она приближается ко мне. А я этого не вижу.

Садится напротив на корточки. Окидывает моё лицо быстрым взглядом. Боится крови? Что? На что ты смотришь? Руки? Она даже наклоняется немного. Нет, она точно ненормальная.

Поднимает глаза резко, смотрит серьёзно, чуть выше взглядом. Нет, не боится. Оценивает, как опытная ассистентка хирурга.

– Ты на машине?

Киваю.

– Там есть аптечка?

– Есть, – сглатываю.

– Пойдём, я обработаю рану.

Встаёт и идёт вдоль здания. К улице со стороны главного входа.

Догоняю. Столько вопросов. И те, которые хочу задать за-

ново. И те, которые появились только что. Но они все наползают друг на друга, лезут в не свои предложения, и смыслы смешиваются до неузнаваемости. Вслух получается только:

– Откуда у тебя пистолет?

– Бывший подарил.

– Он тоже из психушки?

– Тоже?

– Как и ты.

Смотрит резко, но ничего не говорит.

– Зачем ты следишь за моим другом?

– Ему показалось.

Мы выходим к шумной улице. Свет гирлянд, спутанных с проводами между фонарей, меркнет на фоне вывесок.

– В багажнике? – кивает на мою машину. Откуда она знает? Ну да, на тренировке. Девушка была там. У раздевалки.

– Подожди. Давай поговорим спокойно.

– Мы уже это делаем.

– Хорошо. Скажи, что ты хочешь знать? Я объясню. Обещаю.

– Я хочу знать, где аптечка, – её подбородок вздрагивает. Она как будто сдерживается. Пытается казаться смелой. Заставляет себя выглядеть хладнокровной. А на самом деле боится. И мёрзнет.

– Что тебе нужно от меня?

– Или в бардачке?

Она делает шаг, и я не успеваю схватить её за руку.

Шарю по карманам. Ключи. Щелчок. Девушка по-хозяйски распахивает дверь, взбирается на подножку и садится за руль.

Рассматриваю её, пока обхожу машину. Вспухла складка над переносицей. Волосы от влажности начинают обретать свою привычную форму.

Я сажусь на пассажирское. Она смотрит на меня выжидающе. Отщёлкиваю замок. Её рука смело проскальзывает над моими коленями. Немного наклонилась ко мне, вглядывается в содержимое бардачка. Её близость заставляет меня дышать глубже. Будто так я останусь незамеченным. И она забудет о моём существовании. Станет вести себя естественно. А я буду наблюдать за ней. Какая она настоящая? Какая из двух совершенно разных?

Девушка аккуратно перебирает пальцами брошюры и провода. Запускаю руку вслед за её рукой. Она вздрагивает. Вытаскивает свою, оцарапавшись о край крышки. Прячет кисть между колен.

– Вот, пожалуйста, – я ставлю на её бёдра аптечку. Откидываюсь на спинку сидения. Прикрываю глаза. – Как тебя зовут?

В шебуршании наступает пауза. Разрывает упаковку. Её голос совсем близко:

– Яна.

Я вздрагиваю. Смыкаю губы. В бровь будто жалит пчела. Вдыхаю носом. От девушки пахнет сладко, как от разломан-

ного напополам фрукта. Её ледяные пальцы на моей щеке. Ногти такие короткие, что не царапают. Непривычно.

– Яна, ты была знакома с Машей?

– Нет, – отвечает просто.

– Тогда почему тебя так интересует эта история?

– Хочу узнать, кто её убил.

Она прилепляет пластырь. Я морщусь. Отодвигаю голову.

– Сиди смирно, – команда в её исполнении звучит умиротворительно. – Иначе я тебе его на глаз наклею.

Её лицо совсем близко. Дыхание теперь у самой шеи. Такое ощущение, что она втягивает запах. Я смотрю на неё. Сидит, зажмурившись. Спрашиваю:

– Чем пахнет?

Испуганно открывает глаза:

– Ничего особенного.

Садится ровно. Закрывает аптечку, и передаёт мне не глядя. Её интересует то, что происходит за лобовым стеклом. Смеющиеся прохожие. Проезжающие машины. Она как будто разочарована.

– Почему ты не заступился за неё?

– Что?

– Её отец сказал так тебе. Что это значило?

– Не твоё дело, – я выбираюсь из салона. Тротуар скользкий, и я теряю равновесие. Вцепляюсь в стойку машины.

Яна спускается на асфальт. Подходит ко мне. Ещё один шаг. Почти вплотную. Она всматривается в моё лицо. В её

взгляде такое странное сомнение. Будто ей показалось, что мы знакомы, но не виделись много лет. И она пытается понять, обозналась ли.

– Это не можешь быть ты, – говорит мысль вслух. И тихо добавляет: – У тебя совсем другие руки, – она опускает глаза.

Гладит мои пальцы.

От неожиданности я вздрагиваю. Она ненавидела меня. Боялась. Презирала. Она не может так трогать меня.

Прикосновение становится смелым. Разворачивает мои ладони, проводит по ним, просит с закрытыми глазами:

– Пропусти свои пальцы сквозь мои.

– Это такой новый способ подцепить мужчину?

– Пропусти, – говорит тихо. Её глаза всё ещё закрыты. Она прижимает ко мне свои ладони. Кончиками пальцев достаёт лишь до середины моих вторых фаланг, подталкивает их, раздвигает. Мои ладони сгибаются, пальцы ныряют сквозь её, я сжимаю слегка.

Её губы трогает улыбка. В лице облегчение. Или благодарность. Что? Что такого я сделал?

Шепчет. Как заговаривает. Молодая ведьма. Будто в транс. Делай с ней что хочешь.

Если я сейчас её поцелую...

Резко отступает. Убирает руки. Глаза широко распахнуты.

– И голос, – проговаривает она. – Какая же я дура, – закрывает ладонями лицо. – Извини меня. Извини. – Больше не прячется. Смотрит на меня растерянно.

– Кость? – Елисей стоит в нескольких шагах.

Яна бросает на него быстрый взгляд. Отворачивается. Быстрым шагом идёт в сторону своей малиновой машины.

– Помешал? – Елисей становится рядом, и теперь мы оба следим за отъезжающим автомобилем. В развороте Яна налезает задним колесом на бордюр. – Тебя Саша потеряла. Говорит, трубку не берёшь. А вы собирались увидеться сегодня.

10. Яна

Маша лежит на полу, уткнувшись лбом в серый плед. Она вцепилась в него обеими руками, и полосы тканевых складок между её пальцами как царапины.

Он проводит меня рядом с ней. В нос бьёт запах крови. Её голень рассечена. Разорванная рана красным месивом набухает над чёрной тканью колгот.

– Это не я, – хмыкает он, и заставляет меня остановиться прямо над ней. – Маша пыталась сбежать, представляешь? Поранилась, дурочка.

Он садится на корточки. Вталкивает большой палец прямо внутрь. Выдавливает из раны кровь как горошины из стручка. Я зажмуриваюсь. Сжимаю зубы. И Машин вскрик, протяжный, как вой собаки, предчувствующей смерть хозяина, перемешивается со звоном в ушах.

Меня снова толкают. Небрежно, как брат младшую сестру. К стене. Надавливают на плечи, заставляя опуститься на пол.

Отходит. Возвращается, двигая в мою сторону низкий столик. Скрежет ножек по бетону всверливается в мозг.

– Ты говорила, что тебе скучно. Было такое, Яна?
Молчу.

– Посмотри на меня, маленькая избалованная тварь, – цедит он. Я поднимаю голову. Его глаза хитро прищурены. Кажутся узкими отрезками в прорезях маски. Не видно зрачков. Но я предчувствую, что они расширены. – Было такое?

Я сглатываю, киваю неуверенно. Он:

– Хочешь поиграть?

– Нет. Я ничего не хочу.

– Капризная девочка, – растягивает слова, будто хвалит. – То тебе скучно, то ты ничего не хочешь. Я принёс тебе игрушку.

На стол падает коробка с пазлом. Цифра «пятьдесят» над картинкой из диснеевского мультика. Белль танцует с чудовищем на фоне витражных окон.

Он оставляет мою левую руку свободной. Второе кольцо наручников защёлкивает вокруг трубы у стенки.

– Открывай скорее, ты ограничена во времени.

Левая рука совсем не слушается. Кое-как открываю коробку. Внутри разноцветные кусочки с глянцево-лицевой стороной перемешаны с перевернутыми серо-зелёными. Пакет закупорен. Рука беспомощно пытается надорвать его.

– Быстрее! – рявкает он.

– Хорошо, хорошо, – я вцепляюсь в скрипучую упаковку зубами, и разрываю её. Детали просыпаются

на стол.

Он разъединяет несколько пар, которые оказались сцеплены, перемешивает. С беззаботной улыбкой:

– Так честнее. И ещё один атрибут.

На стол ставит глубокую неприметную миску. В ней белый порошок, похожий на соль.

– Итак, Яна. Правила таковы. Ты играешь в пазл. А я играю в Машу. Твоя цель – успеть собрать его до того, как твоя подружка потеряет сознание. Проиграешь – я трахну тебя. Выиграешь – отпущу тебя домой.

Щёку сводит судорогой. Пальцы ползут к ребру стола. Перед глазами всё в малиновой пелене с золотыми пятнами. Швырнуть. Обернуть. Рассыпать. Отвлечь. Сбить с ног. Заставить его упасть на пол. Топтать его голову. Размозжить. Прыгать на ней. Пока чёрная маска не потемнеет от крови.

– А, а, а, – его рука тянется к миске. – Обернёшь – всё разлетится по комнате. И ты никогда не выиграешь.

Пелена оседает, сходит как лавина.

– Готова? – он набирает в ладонь порошок и идёт к Маше.

Я смотрю за ним оцепеневшая. Я как будто не верю, что он сделает это.

Заносит кулак над её раной.

И расслабляет руку.

Движение быстрее мысли. Мои пальцы сжимают первую попавшуюся деталь. Её округлые отростки врезаются в кожу больше игл. Развернуть все кусочки. Начать с тех, где стеночки. Держать в голове картину. Разворачивай, разворачивай.

– А! ххх...

Не смотреть туда. Не видеть, как она корчится.

– Аааааа...

Дрожь ударила пальцем по детали. Перевернулась дважды. Четыре угла. От них кривой змейкой. Всё неправильно. Волосы, плечо, талия. Три сошлись. Глаз дьявола, а не красавицы. Таращится обрубленной половиной.

– Ты не успеешь, – щебечет, сука. Зачерпнул новую горсть. И к ней.

Стучат по трубе, трезвонят оковы на запястье. Локоть сшиб деталь. Упала.

Хрип.

Хрипит Маша. Скулит. Смешок его. В ухо насекомым на всей скорости.

Не смотреть туда. Быстрее. Быстрее.

Когти на перламутрово-зеркальном полу. И белая ножка на мысочке в красивой туфельке.

– Ты проиграла, Яна.

Он смотрит на меня. Стоит над ней. Она не шеве-

лится. А белый порошок водопадом с его ладони в распахнутую рану.

Я через стол. Он шаг ко мне. Я ладонь в порошок. Он нависает. Ему в глаза. С рыком из груди. Мой вопль. Его крик. И я падаю назад.

На губах собственная слюна. Как пена у бешеного животного. Вытираю рот кулаком.

Повержен. Согнулся.

Спиной ко мне. Из его глотки:

– ыыы.

Он срывает с себя маску. А Маша...

Маша приподнимается на локтях. Её голова медленно поворачивается в его сторону. У того руки опадают вдоль тела. Он всё ещё протяжно стонет. И не видит ничего. А она видит. Она видит его лицо.

Её рот приоткрывается. И не нужно уметь читать по губам. Она сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.